

592

РУССКАЯ СТАРИНА

"RUSSKAYA STARINA"

ЕЖЕМЬСЯЧНОЕ

"6
1872"

1485

34

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1872 г.

Т О М Ъ VI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. БАЛАШЕВА, (Большая Садовая ул., д. № 49 — 2).

1872.

ИЗЪ РАННИХЪ ЛѢТЬ, ИЗЪ ЖИЗНИ ДАЛЬНЕЙ.

Воспоминанія Т. П. Пассекъ.

1810 — 1842.

Кто имѣть право писать свои воспоминанія?
Всякій,
Потому что никто не обязанъ ихъ читать.

И.

Давно уже замѣчено, что русская литература весьма бѣдна записками женщинъ. Даже въ послѣднее время, когда на „Воспоминанія“ явилось нечто въ родѣ моды, и то русская женщина рѣдко принимается за перо, не обнародовываетъ своихъ записокъ и охотнѣе вступаетъ въ литературу съ повѣстями и даже романами. Между тѣмъ, прошлое, пережитое обществомъ, представляетъ обширное поле для наблюдательности женщины образованной, одаренной болѣе или менѣе художническимъ чутьемъ и впечатлительнымъ сердцемъ. Своебразныя черты нравовъ разныхъ слоевъ нашего общества, встрѣчи и столкновенія съ людьми замѣчательными на тѣхъ или другихъ поприщахъ, факты историческіе и явленія общественные, — все это даетъ богатый матеріалъ для разсказа занимательного, хотя бы простаго и безъискусственнаго. Нынѣ предлагаемыя „Воспоминанія“, какъ намъ кажется, до нѣкоторой степени, восполняютъ указанный пробѣлъ...

Татьяна Петровна Пассекъ, вдова нѣкогда довольно извѣстнаго, даровитаго писателя Вадима Васильевича Пассека († 1842 г.), съ младенчества своего была поставлена въ среду богатѣйшей древне-дворянской фамиліи, старшимъ представителемъ которой былъ отецъ ея матери, Наталья Петровна Кучиной, генераль Петръ Алексѣевичъ Яковлевъ. Эта фамилія, въ мужской вѣтви, нынѣ угасла. Въ свое же время, то-есть въ концѣ прошлаго и въ первыя десятилѣтія теку-

щаго столѣтія, она соединяла въ своей средѣ нѣсколько чрезвычайно типическихъ личностей.

Перо одного изъ талантливыхъ писателей нашего времени возпроизвело уже нѣсколько художническихъ бытовыхъ картинъ, въ которыхъ ярко освѣщены члены этой фамиліи. Это не отнимаетъ, однако, ни интереса, ни значенія въ воспоминаніяхъ близкой родственницы, воспитанницы и друга дѣтства этого писателя. Если г-жа Пассекъ, при общности нѣкоторыхъ замѣтокъ съ этимъ писателемъ, и вынуждена, въ первыхъ двухъ-трехъ главахъ, воспользоваться нѣкоторыми изъ характеристикъ ея родственниковъ, начертанныхъ его мастерскимъ перомъ, тѣмъ не менѣе, въ послѣдующихъ главахъ, у нея много и своихъ фактовъ, подмѣченныхъ тонко, чисто съ женской наблюдательностью.

Воспоминанія Татьяны Петровны обнимаютъ довольно много главъ: въ нихъ рисуются жизнь московского общества, бытъ русскаго дворянства въ провинції, въ царствованіе Александра I, очерки быта молодежи московскаго университета тридцатыхъ годовъ, выступаетъ кружокъ друзей ея мужа Вадима Пассека и проч. Авторъ, составляя записки,— не столько для печати, сколько для себя,— нѣкоторыя главы не призналъ пока возможнымъ печатать: онъ слишкомъ семейного, частнаго характера, а потому оставлены пока въ рукописи.

Ред.

ГЛАВА ВТОРАЯ ¹⁾.

Младенчество.

1813—1814.

«Оль, передъ моими глазами, переходи изъ своей младенческой хризодиды къ жизни полной». —

Было лѣто. Мы жили въ подмосковной деревнѣ. Разъ, оставшись одна дома, утомленная зноемъ, легла я отдохнуть, въ гостиной, на диванъ. Вокругъ меня не было ни звука, ни дви-

¹⁾ Въ первой, опущенной главѣ (до 1812 г.), авторъ описываетъ дѣтство своей матери, проведенное въ богатомъ селѣ Тверской губерніи, близъ г. Корчевы, въ Новосельѣ — имѣніи Петра Алексѣевича Яковлева; воспитаніе матери и увозъ ее помѣщикомъ Кучинымъ. Эпиграфомъ къ первой главѣ приведены слѣдующіе стихи:

Ред.

Когда мы въ памяти своей
Проходимъ прежнюю дорогу,
Въ душѣ всѣ чувства прежнихъ дней

жения. Изъ далекой пустоши доносились пѣсни и, какъ бы, удвоивалась тишину. Въ раскрытыя окна и двери балкона, сквозь опущенные занавѣси, пробивались лучи солнца и наполняли комнату какимъ-то волшебнымъ, золотистымъ свѣтомъ. Читать не было возможности, но можно думать, и я задумалась о быломъ.

Тихо вызывала я «моихъ прошедшихъ дней исчезнувшія тѣни».

«Изъ отдаленныхъ мѣстъ, изъ смолкнувшихъ временъ,
-Онѣ передо мной, ласкаясь, возникали,
-И я, забывшися, поникла въ кроткой сонѣ
-Про счастье дѣтское, про дѣтскія печали...
-О, погодите же! Вживитесь въ жизнь мою...»

Какъ сквозь утренній туманъ, представилась обширная дѣтская комната, раздѣленная колоннами, а за ними двѣ маленькия кроватки. Въ итальянское окно, длинной, широкой полосой падаютъ лучи закатывающагося солнца, и вытягиваются тѣни всѣхъ предметовъ, находящихся въ комнатѣ. Зайчикъ, свѣтлымъ, радужнымъ кружкомъ, мелькаетъ по стѣнѣ. Старушка-няня вертить хрустальную подвѣску, упавшую отъ люстры, забавляется какъ я ловлю зайчика и дивлюсь, что онъ убѣгаеть изъ-подъ нажавшей его рученки.

Изъ-за этой картины выдвигается широкая терраса. Передъ ней паркъ, прудъ, густо обнесенный акаціями; сквозь акаціи виднѣются бѣлыя мраморныя статуи и бюсты. На террасѣ—моя мать; она держитъ меня на колѣняхъ, качаетъ и ласкаетъ, то расчесываетъ мои блонувные волосы...

Что это? Еричитъ иволга, шумитъ лѣсъ. Какъ сквозь дымку вижу—цвѣтутъ розаны, зеленѣютъ деревья.

Въ сосновой рощѣ горитъ огонекъ на сложенныхъ въ кѣпѣту кирпичикахъ. Двѣ старушки пекутъ, на огонькѣ, сыройши. Подле нихъ, на подушкѣ, сидитъ братъ мой, Алеша, изъ-за маленькой повозочки выглядываю я.

Набѣгаеть густой туманъ и все скрывается за нимъ. Когда въ одномъ мѣстѣ стало проясняться, то не было уже видно ни прежней дѣтской, ни парка, ни пруда; я играю на обширномъ

Вновь оживаютъ по немногу,
И грусть, и радость тѣ же въ ней,
И знаетъ ту-же она тревогу,
И такъ же вновь тѣснится грудь,
И такъ же хочется вдохнуть.

Н. А. — вѣ.
39*

дворъ, поросшемъ травой, и валяюсь по ней между одуванчиковъ и колокольчиковъ, забавляясь кузнецами и большими коровками.....

Цѣлый рядъ едва уловимыхъ образовъ тихо протекаетъ передъ моимъ внутреннимъ взоромъ. Какъ бы начерченные на облакахъ, они безпрестанно видоизмѣняются, блѣdnѣютъ, снова образуются, таятъ, исчезаютъ и уносятъ съ собою цѣлую часть жизни. Когда на дальнемъ горизонтѣ опять появились образы—очертанія ихъ были уже отчетливѣе. Точно теперь вижу, какъ разъ, проснувшись рано поутру, я услышала, въ соседней комнатѣ, оживленный разговоръ и незнакомый дѣтскій голосъ. Въ одной рубашенкѣ, босикомъ, я встала съ постели, растворила дверь и остановилась на порогѣ, увидавши мать мою и какую-то незнакомую молодую даму, которая держали за руки, стоявшаго на столѣ, ребенка и надѣвали на него мой теплый, левантиновый капотецъ, стального цвета. Огорченная этимъ зрѣлищемъ, я заплакала, чѣмъ и обратила на себя общее вниманіе.

Ребенокъ этотъ былъ Александръ Ивановичъ Г — нъ, впослѣствіи столь извѣстный въ литературѣ подъ именемъ И — а, а незнакомая дама — его мать.

Вѣроятно, страхъ лишиться капотца запечатлѣлъ этотъ случай такъ глубоко въ моей памяти.

Впослѣствіи мнѣ разсказывали, какъ тогда мать моя взяла меня на руки, уговаривала не плакать, а я, указывая на ребенка, усѣвшагося въ моемъ капотцѣ на столѣ, плакала еще сильнѣе и долго не могла унятьсь, сколько ни старались меня урезонить и разжалобить, сколько ни склоняли меня на дружбу къ Александру, говоря, что маленький Саша мнѣ родня, милый мальчикъ, надоѣло его любить, отдать ему не только капотецъ, но подѣлиться платынцами и рубашечками; что ему нечего надѣть — все отняли французы, а жадничать стыдно, но я была неутѣшна.

Когда я успокоилась, мать Александра взяла меня на руки, приласкала и посадила подлѣ Сапи на столъ, чтобы мы поцѣловались и познакомились.

Сквозь слезы я его обняла, поцѣловала и, надувши губы, дала ему такой толчокъ, что онъ едва не полетѣлъ со стола. За этотъ подвигъ, другимъ толчкомъ, меня согнали со стола.

За нѣсколько дней передъ этимъ, Александръ и мать его прі-

Уехали въ Новоселье съ Иваномъ Алексѣевичемъ Яковлевымъ, мать моя ихъ навѣстила наканунѣ, а вечеромъ Сашу съ матерью привезла къ намъ почевать.

Мать Александра—Генріетта-Луиза-Вильгельмина Гаагъ, родилась въ Штутгардѣ, отъ небогатыхъ родителей. Жизнь ея, въ родномъ семействѣ, была тяжела и несчастна, поэтому она часто гостила, по нѣскольку дней, въ одномъ богатомъ домѣ, гдѣ бывали русский посланикъ Левъ Алексѣевичъ Яковлевъ и братъ его Иванъ Алексѣевичъ. Оба брата, узнавши о несчастной жизни хорошенѣй, пятнадцати-лѣтней Генріетты, относились къ ней съ участіемъ и, шутя, предлагали ей перейти къ нимъ въ послѣдство. Однажды, сильно обиженнай и огорченная, она ушла изъ родительского дома, явилась въ русское посольство и просила, чтобы ее тамъ скрыли.

Ей дали должность - по утрамъ наливать кофе посланику и его брату. Вскорѣ Иванъ Алексѣевичъ Яковлевъ уѣхалъ въ Италию. Возвратясь, онъ нашелъ Генріетту беременной. Это было въ концѣ 1811 года, въ Кассель, гдѣ—при королѣ Жеромѣ Бонарпартѣ—Левъ Алексѣевичъ состоялъ посланикомъ.

Готовилась война, Иванъ Алексѣевичъ собирался въ Россію. Прѣѣздъ быть не безопаснѣй и для мужчины, поэтому Генріетту хотѣли передать ея семейству. Она пришла въ такое отчаяніе, что Иванъ Алексѣевичъ рѣшился взять ее съ собой. Для большаго удобства, девушки переодѣли въ мужское платье и обрѣзали ей волосы.

Пріѣхавши въ Москву, они остановились на Тверскомъ бульварѣ, въ домѣ Александра Алексѣевича Яковлева. 25-го марта 1812 года, въ бель-этажѣ этого дома, у Генріетты родился сынъ. Его назвали Александромъ, въ честь крестнаго отца Александра Алексѣевича, а по отчеству Ивановичемъ, по Ивану Алексѣевичу, усыновившему его, какъ воспитанника. Фамилію ему дали Герценъ, подразумѣвая подъ этимъ, что онъ «даръ сердца» и желая этой фамиліей выразить свою любовь къ нему¹⁾.

Александръ родился слабымъ, піедушнымъ. Къ нему взяли бормилицу изъ крестьянокъ—Дарью. Сверхъ того, приставили къ нему

¹⁾ Александръ, будучи моложе меня, приходился мнѣ дядей. Т. П.

ианю — Вѣру Артамоновну, пожилую дѣвушку, худощавую, съ наивно-добродушнымъ лицомъ съ длинной, морщиноватой шеей.

Чтобы прислугѣ не такъ затруднительно было называть Генріетту, изъ всѣхъ имянъ ея выбрали, какъ самое легкое имя Луизы, а по Ивану Алексѣевичу назвали Ивановной. Александра же, по безмѣрной любви къ нему — отецъ и всѣ родные, отъ самого рожденія мальчика — звали его «Шушкой»; название это перешло и къ его сыну, также Александру.

Въ то время, какъ Иванъ Алексѣевичъ уѣхалъ заграницу, въ подмосковномъ селѣ Покровскомъ у него родился сынъ Егоръ Ивановичъ. Кстати, за одно съ Александромъ и Егору Ивановичу дали фамилію Герцена, не смотря на то, что Иванъ Алексѣевичъ былъ къ нему больше, чѣмъ холодень.

Втораго Г — на, когда ему было четыре или пять лѣтъ, взяла къ себѣ княгиня Хованская.

Когда Иванъ Алексѣевичъ возвратился изъ-за границы, княгиня представила ему его сына. Посмотрѣвши на ребенка, отецъ положилъ ему на плечо руку, холодно поцѣловалъ и, обратясь къ сестрѣ на французскомъ языке выразилъ свое неудовольствие за то, что она, не посовѣтовавшись съ нимъ, взяла на воспитаніе его дитя.

Повидимому, Иванъ Алексѣевичъ, съ первого взгляда, почувствовалъ нерасположеніе къ Егору Ивановичу, которое и продолжалось до конца его жизни. Оно выражалось, ни чѣмъ не заслуженными, притѣсненіями, доходившими до оскорблений самыхъ глубокихъ.....

Еще въ дѣтствѣ у Егора Иванонича оказалась болѣзнь, вслѣдствіе которой ему сдѣлана была операция. При приближеніи къ Москвѣ непріятеля, вмѣстѣ съ прочими жителями изъ нея стала выбираться и княгиня. Егора Ивановича, еще не оправившагося послѣ операциіи, она оставила въ Москвѣ у отца и при немъ ианью, которую за ея оригинальность называли «Костенѣйкой». Съ этого времени больной остался у отца навсегда. На мальчика не было обращено ни малѣйшаго вниманія, между тѣмъ онъ былъ далеко не безъ способностей — въ особенности къ музыке. Впослѣдствіи онъ уже собственнымъ трудомъ добился въ ней значительныхъ успѣховъ.....

Родные Ивана Алексѣевича, выѣзжая изъ Москвы, уговари-

вали его, не мѣшкая, выѣхать, но онъ, говорившись съ своимъ зятемъ, Павломъ Ивановичемъ Голохвастовымъ,ѣхать вмѣстѣ, все толковалъ, да перетолковывалъ, собирался, да откладывалъ, и просбирался до тѣхъ поръ, пока непріятель вступилъ въ Москву — въ то самое время какъ они были готовы къ отѣзду. Карета, коляска и бричка стояли запряженными у крыльца, а они сѣли, передъ дорогой, пообѣдать. Павелъ Ивановичъ былъ еще въ своемъ домѣ. Во время обѣда Иванъ Алексѣевичъ спросилъ воды; ему отвѣтили, что дворникъ давно уѣхалъ съ бочкой за водой и неизвѣстно почему его, до сихъ поръ нѣть, а черезъ нѣсколько минутъ камердинеръ Ивана Алексѣевича доложилъ, не своимъ голосомъ, что дворникъ возвратился безъ бочки и безъ лошади, что ихъ отняли у него французы. Всѣ встали изъ-за стола. Подойдя къ окну, увидали французскихъ драгунъ, въ каскахъ, съ конскими хвостами, идущихъ по бульвару и скачущихъ по улицѣ.

Заставы были, тотчасъ, заперты. Выѣздъ изъ Москвы былъ запрещенъ. Такъ Иванъ Алексѣевичъ, со всѣми своими, въ ней и остался.

Вскорѣ домъ Александра Алексѣевича Яковлева загорѣлся.... Всѣ вышли на площадь Страстного монастыря и сѣли на сложенные тамъ бревна.

Полупьяный французский солдатъ, увидавши на бревнахъ многочисленную компанию, подошелъ къ ней со штофомъ водки и сталъ ихъ подчивать. Замѣтивши на Иванѣ Алексѣевичѣ шляпу, онъ снялъ ее съ него вмѣстѣ съ парикомъ и надѣлъ на себя, потомъ стащилъ съ него и сапоги. По счастію, по площади проходилъ французский офицеръ со взводомъ солдатъ; увидавши грабежъ, онъ заставилъ солдата возвратить отнятые вещи. Вскорѣ передъ ними проѣхали ихъ экипажи, со всѣми уложенными въ нихъ пожитками, увезенные непріятелями.

Съ площади отправились въ домъ Голохвастова, находившійся на противоположномъ концѣ бульвара; домъ Голохвастова загорался. Они вошли въ садъ. Въ саду нашли Павла Ивановича сидящимъ на скамейкѣ, а подлѣ него сложены были его венцы. Они помѣстились вмѣстѣ съ нимъ, но не успѣли еще отдохнуть, какъ въ садъ ворвалось нѣсколько польскихъ уланъ и ограбили ихъ дочиста, даже пеленки съ ребенка поснимали. Одинъ уланъ потя-

нуль у Павла Ивановича изъ кармана золотые часы; Павелъ Ивановичъ часовъ не давалъ, говоря и божась, что онъ не можетъ отдать ему эти часы, что они ему дороги, потому что ихъ прислалъ ему изъ Лондона братъ—Левъ Алексѣевичъ, на память. Въ отвѣтъ на это уланъ, на память отъ себя, ударили его саблей по лицу и разсѣкъ носъ, а часы отобрали.

Когда они остались одни, кормилица Александра, одѣтая въ нагольный тулупъ, засунула себѣ за пазуху полуобнаженнаго ребенка и подвязалась поясомъ, чтобы онъ не выпалъ.

Передъ ихъ глазами домъ Голохвастова превратился въ развалины. Они оставили садъ и вошли въ первый встрѣтившійся домъ, но едва въ немъ помѣстились, какъ съ улицы имъ закричали: «выходите, огоны!» Домъ горѣлъ. Они носилѣши вышли и стали искать нового убѣжища; добравшись до Тверской площади, сѣли отдохнуть. Вблизи солдаты тушили пожаръ; по площади ходили караульные, Ѣздили верховые. У кормилицы прошло молоко, ребенокъ кричалъ, надрывалась отъ голода. Костенька, видя, что солдаты что-то ѣли, отправилась къ нимъ и знаками, да указывая на ребенка, говорила: *manger*,—а по-русски бранила солдатъ, размѣшила ихъ, и такимъ образомъ выпросила у нихъ хлѣба и воды для ребенка. Эту ночь они провели на площади. Поутру французскій офицеръ забралъ всю мужскую прислугу, а вмѣстѣ съ ними и Ивана Алексѣевича, заливать горѣвшіе дома. Вечеромъ, возвращаясь съ должности брандъ-маюра, Иванъ Алексѣевичъ встрѣтилъ эскадронъ итальянскихъ кавалеристовъ. Онъ подошелъ къ ихъ начальнику, рассказалъ ему по-итальянски о положеніи своего семейства и просилъ о помощи. Офицеръ обѣщалъ просьбу его передать герцогу Тревизскому, а пока отрадилъ офицера оберегать ихъ и снабдилъ сѣбѣстными припасами. Они помѣстились въ домѣ, кажется, князя Одоевскаго, на Тверской площади, но не успѣли еще тамъ расположиться, какъ услышали военную музыку. Подойдя къ окну, увидали Наполеона, окруженаго блестящей свитой и войскомъ. Императоръ Ѣхалъ верхомъ по Тверской площади; Иванъ Алексѣевичъ, вмѣстѣ съ Луизой Ивановной, вышелъ на площадь, приблизился къ Наполеону и сталъ прошептать у него пропускъ изъ Москвы себѣ и своему семейству. Наполеонъ, узнавши, что онъ Яковлевъ, спросилъ его:

не родственникъ ли онъ тому Яковлеву, который былъ посланникомъ въ Вестфалии?

— «Это мой братъ», отвѣчалъ Иванъ Алексѣевичъ.

Наполеонъ сказаъ ему, чтобы онъ явился къ нему во дворецъ, когда онъ назначитъ время.

На слѣдующее утро, Мортъе, знаяшій Ивана Алексѣевича еще въ Парижѣ, обратилъ на него вниманіе Наполеона какъ на русскаго вельможу, способнаго вести переговоры съ русскимъ дворомъ. Императоръ велѣлъ И. А. Яковлеву явиться къ нему. Въ синемъ, поноженномъ полуфракѣ съ бронзовыми пуговицами, назначенномъ для охоты, безъ шапика, въ сапогахъ нѣсколько дней нечищенныхъ, въ грязномъ бѣльѣ, съ небритой бородой, Иванъ Алексѣевичъ, «поклонникъ приличій и строжайшаго этикета», явился въ тронную залу Кремлевскаго дворца, по зову Наполеона*.

Разговоръ ихъ, который мы вмѣстѣ съ Сашей столько разъ слышали, довольно вѣрно переданъ въ исторіи барона Фена и въ исторіи Михайловскаго-Данилевскаго.

«Послѣ обыкновенныхъ фразъ, отрывочныхъ словъ и лаконическихъ отмѣтокъ, которыми лѣтъ тридцать пять приписывали глубокій смыслъ, пока недогадались, что смыслъ ихъ былъ очень пошлъ, Наполеонъ разбранилъ Растворчина за пожаръ, говорилъ, что это вандализмъ; увѣрялъ, какъ всегда, въ своей непреодолимой любви къ миру; толковалъ, что его война въ Англіи, а не въ Россіи, хвастался тѣмъ, что поставилъ караулъ въ Воспитательному дому и къ Успенскому собору, жаловался на императора Александра, говорилъ, что онъ дурно окружены, что мирныя расположения его неизвѣстны русскому императору.

«Иванъ Алексѣевичъ замѣтилъ, что предлагать миръ — скорѣе дѣло побѣдителя.

— «Я сдѣлалъ, что могъ, посыпалъ къ Кутузову; онъ не вступаетъ ни въ какіе переговоры, не доводить до свѣдѣнія государя моихъ предложенийъ. Хотятъ войны, не моя вина — будетъ имть войны!»

«Послѣ всей этой комедіи, Иванъ Алексѣевичъ попросилъ у него пропускъ для выѣзда изъ Москвы.

— «Я пропусковъ не велѣлъ ни кому давать, за чѣмъ выѣдете, чего вы боитесь? я велѣлъ открыть рынки».

«Императоръ французовъ, въ это время, кажется, забылъ, что сверхъ открытыхъ рынковъ, не мѣшаетъ имѣть покрытый домъ, и что жизнь на Тверской площади, среди непріятельскихъ солдатъ, не изъ самыхъ пріятныхъ.

«Иванъ Алексѣевичъ замѣтилъ ему это. Наполеонъ подумалъ и вдругъ спросилъ:

— «Возьметесь ли вы доставить императору письмо отъ меня; на этомъ условіи я велю вамъ дать пропускъ со всѣми вашими».

— «Я принялъ бы предложеніе, ваше величество, замѣтилъ ему Иванъ Алексѣевичъ, но мнѣ трудно ручаться.

— «Даете-ли вы честное слово, что употребите всѣ средства лично доставить письмо?»

— «*Je m'engage sur mon honneur, Sire.*»

— «Этого довольно. Я пришлю за вами. Имѣете ли вы въ чемъ-нибудь нужду?»

— «Въ крыши для моего семейства, пока я здѣсь, больше ни въ чемъ».

— «Герцогъ Тревизскій сдѣластъ, что можетъ.

«Мортѣ, дѣйствительно, далъ комнату въ генераль-губернаторскомъ домѣ и велѣлъ насы снабдить съѣстными припасами; его метръ-д'отель прислалъ даже вина. Такъ прошло иѣсколько дней, послѣ которыхъ, въ четыре часа утра, Мортѣ прислалъ за Иваномъ Алексѣевичемъ адъютанта и отправилъ его въ Кремль.

«Пожаръ достигъ, въ эти дни, страшныхъ размѣровъ, на-каленый воздухъ, непрозрачный отъ дыма, становился невыносимъ отъ жара. Наполеонъ былъ одѣтъ и ходилъ по комнатѣ, озабоченный, сердитый. Онъ начиналъ чувствовать, что опаленные лавры его скоро замерзнутъ, и что тутъ не отѣвляешься такой штукой, какъ въ Египтѣ.

Планъ войны былъ нелѣпъ, — это знали всѣ, кромѣ Наполеона, Ней, Нарбонь, Бертье и простые офицеры; на всѣ возвра-женія, онъ отвѣчалъ кабалистическимъ словомъ «Москва»; въ Москвѣ догадался и онъ.

«Когда Иванъ Алексѣевичъ вошелъ, Наполеонъ взялъ за-печатанное письмо, лежавшее на столѣ, подалъ ему и сказалъ, откланиваясь: «Я полагаюсь на ваше честное слово». На кон-вертѣ было написано: «à mon frère l'Empereur Alexandre».

Пропускъ, данный Яковлеву, долго былъ цѣль въ его семей-

ствѣ; онъ подписанъ былъ герцогомъ Тревизскимъ и внизу скрѣпленъ московскимъ оберъ-полиціймайстеромъ Лесепсомъ.

Множество крестьянъ, принадлежавшихъ Яковлевымъ, проживавшихъ въ Москвѣ, и нѣсколько постороннихъ лицъ, узнавъ о пропускѣ, просили взять ихъ, подъ видомъ прислуги или родныхъ. Для Луизы Ивановны съ ребенкомъ и больнымъ Голохвастовымъ, дана была четырехместная карета, остальныеѣхали въ коляскѣ и открытой линейѣ, толпа народа шла пѣшкомъ. Отрядъ французскихъ уланъ проводилъ ихъ до русского арріегарда.

Вокругъ Москвы стояла французская кавалерія въ боевомъ порядке. Она пропустила странныхъ выходцевъ до передовой цѣпи. Провожавшіе ихъ уланы, въ виду русского войска, раскланялись и пожелали имъ счастливаго пути. Яковлевъ былъ принятъ на передовыхъ нашихъ постахъ какъ лицо подозрительное.

Черезъ минуту, ихъ окружили казаки и повели въ главную квартиру арріегарда. Тутъ начальствовали Винценгероде и Иловайскій IV-й.

Узнавъ о письмѣ Наполеона къ государю, Винценгероде немедленно отправилъ Ивана Алексѣевича съ двумя драгунами, на фельдъегерскихъ, въ Петербургъ къ императору Александру Павловичу.

Иловайскій говорилъ Ивану Алексѣевичу, что его семейству тутъ оставаться невозможно, что они не вѣрнутъ ружейныхъ выстрѣловъ и, со дня на день, можно ждать серьезнаго дѣла. Иванъ Алексѣевичъ просилъ Иловайскаго доставить его семейство въ его ярославское имѣніе, и при этомъ сказалъ, что у него нѣтъ ни копѣекъ денегъ.

— «Сочтемся послѣ, отвѣчалъ Иловайскій, будьте покойны, даю вамъ слово доставить ихъ до мѣста».

И сдержалъ слово.

По отѣздѣ Ивана Алексѣевича, онъ отправилъ остальныхъ, въ тѣхъ экипажахъ, которые они получили для выѣзда изъ Москвы¹⁾. до ближайшаго городка, съ партіей плѣнныхъ, подъ прикрытиемъ казаковъ, снабдилъ деньгами на прогоны и вообще сдѣлалъ все, что было возможно въ суетѣ и тревогѣ военнаго времени.

«Ивана Алексѣевича привезли къ Аракчееву и у него въ домѣ

¹⁾ Карета въ цѣности хранилась у Ивана Алексѣевича, и мы не рѣдко въ нейѣхвали.

Т. II.

Весной, Иванъ Алексѣевичъ со всѣми своими пріѣхалъ въ тверское имѣніе моего дѣда—Новоселье. Дѣда моего въ Новосельѣ уже не было—онъ лечился въ Твери. Съ нимъ была его жена и большая часть прислуги.

Всѣдѣ за Иваномъ Алексѣевичемъ пріѣхалъ и Александръ Алексѣевичъ.

Устроивши въ Новосельѣ Луизу Ивановну и дѣтей, оба брата отправились въ Тверь. Тамъ они помѣстились въ квартирѣ большаго моего дѣда, старшаго своего брата, не столько изъ участія къ нему, сколько изъ ненависти и недовѣрія къ его женѣ, которую, за-глаза, называли вдовой Ульской, плутовкой и мошенницей. Опасаясь, чтобы она не сдѣлала чего въ ущербъ ихъ интересамъ, они хотѣли слѣдить за всѣми ея дѣйствіями, и не услѣдили.

Еще до ихъ пріѣзда она успѣла сдѣлать фальшивое (какъ былъ общій слухъ) духовное завѣщеніе въ свою пользу¹⁾.

Оставшись одна съ дѣтьми и больнымъ Павломъ Ивановичемъ въ Новосельѣ, Луиза Ивановна почти не раставалась съ моей матерью. Онѣ такъ привязались другъ къ другу, что до конца дней моей матери оставались друзьями.

Время, проведенное ими въ Новосельѣ, представляется мнѣ какъ неясный сонъ, и мѣстами только вырѣзываются отчетливыя представленія. Большею же частью, все, что тогда было, мнѣ извѣстно по рассказамъ.

Въ памяти у меня сохранилось какъ я тревожилась и огорчалась, видя, что вниманіе и заботы всѣхъ обращены на маленькаго, слабаго здоровьемъ, Сашу, а обо мнѣ какъ-будто забывали.

Матери я нѣсколько боялась—она была вспыльчива и иногда меня сѣкла, но, несмотря на это, я рѣшалась къ ней подходить, ласкалась и увѣряла, что люблю ее больше, нежели Сашенька, что Саша ей никогда этого не скажетъ, что онъ глупъ, неходить и не говоритъ. Мать брала меня на колѣни, цѣловала, говоря: «И я тебя люблю—ты моя дочка, люблю и Сашу. Чѣмъ же онъ глупъ?... Онъ умное дитя, а неходить и не говорить потому, что малъ и нездоровъ. Если ты дѣвочка умная, то мо-

¹⁾ Мой дѣдъ, не задолго до своей кончины, обвѣнчался со вдовой чиновника Ульского, отъ которой не имѣлъ дѣтей. Моя мать была дочерью одной швейцарки, увезенной Петромъ Алексѣевичемъ Яковлевымъ. Т. П.

жешь понять, что ты старше его, поэтому должна его учить, беречь и утешать».

Я выслушивала это съ стѣсненнымъ сердцемъ.

Когда, послѣ такихъ разговоровъ, я видѣла, какъ Саша переходилъ съ рукъ на руки, и мать моя заставляла его прыгать на своихъ колѣнахъ, подъ дѣтскія пѣсни, то, чтобы понравиться ей, я сама начинала передъ нимъ прыгать, хлопать въ ладоши и пѣть. Александръ, всегда серьезный, какъ бы всматривающейся во все, что его окружало, глядя на меня, радостно протягивалъ ко мнѣ рученки и улыбался.

Еще грустнѣе было мнѣ, когда Сашей занималась сестра моей матери, Елизавета Петровна. Я ее любила больше нежели мать, потому что она обращалась со мной кротко и разсудительно. Чтобы отвлечь ее отъ него, я тащила къ ней свои книжки съ картинками и просила ее мнѣ ихъ объяснять. Увѣряла ее въ своей привязанности, измѣряла свои чувства къ разнымъ лицамъ, видимыми предметами.

— «Васъ, говорила я тетушкѣ, люблю до неба, и протягивала руки къ небу; маму — до церкви, Сашу — до пола».

Мало по малу, я стала привыкать къ Сашѣ и любить его. Видя какъ онъ радуется, когда я подхожу къ нему и обнимаетъ меня своими худенькими рученками, я стала играть съ нимъ; держала за ручку, когда онъ переступалъ, учila говорить. Когда его катали по саду въ повозочкѣ — бѣжала подлѣ. Погулявши, мы всегда останавливались отдыхать въ англійскомъ домикѣ — Сашу вносили въ зеленую комнату, и всѣ входили туда же. Тамъ мы помѣщались на широкихъ диванахъ. Увеселяя Сашу и себя, я начинала на диванѣ скакать, кататься и часто, разыгравшись, поднимала такой шумъ, что выводила всѣхъ изъ терпѣнія. Чтобы унять меня, нянѣка брата моего, всегда прибѣгала къ одному, разъ ей удавшемуся средству, она говорила:

— «Вотъ, постойте, ужо баба-яга сойдетъ со стѣны, да и съѣсть васъ за то, что вы не слушаетесь. Съ этими словами, отдергивала зеленый флеръ, закрывавшій картину Тиціана — Венеру, сдѣланную во весь ростъ. Зная, что такое баба-яга изъ сказокъ, я, въ ужасѣ, спрыгивала съ дивана и инстинктивно ретировалась къ окну, чтобы, въ случаѣ бѣды, изъ него выпрыгнуть въ рощу и убраться. Но такъ какъ предметъ, котораго мы боимся, нась

къ себѣ притягиваетъ. то и я, ретириуясь къ окну, не спускала глазъ съ Венеры. Часто, засмотрѣвшись на красоту ея лица и тѣла, забывала страхъ, и потихоньку начинала подходить къ картинѣ, а вскорѣ и совсѣмъ перестала ее бояться.

Одно изъ любимыхъ мѣстъ моихъ въ Новосельѣ, какъ въ первомъ возрастѣ моемъ, такъ и впослѣдствіи, была широкая канава, отдѣлявшая паркъ отъ темнаго бора. Канава эта была всегда полна воды, отъ этого берега ея осыпали кукушкины слезки и ряды крупныхъ незабудокъ.

Когда Сашу везли около этой канавы, онъ всегда тянулся къ ярко голубѣвшимъ цветамъ. Я бѣжала нарвать ихъ ему, но иногда, наклонившись къ незабудкамъ, вдругъ отдергивала руку—минѣ казалось, что онъ смотрѣтъ на меня своимъ лазоревымъ взоромъ и говорить:

— «Не рви насть — мы живемъ.»

Въ то время, какъ въ Корчевѣ и Новосельѣ текла* тихая, идиллическая жизнь, въ Твери кипѣла вражда и тревога.

Дѣдъ мой былъ ни въ живыхъ, ни въ мертвыхъ. Сохранилъ полное самосознаніе, онъ съ огорченіемъ видѣлъ и понималъ все, что вокругъ него происходило. Жена и братья толпились у его постели, считали каждый часъ его жизни и нетерпѣливо ждали его конца.

Бывшіе, въ это время при дѣдѣ, рассказывали мнѣ, что онъ не сколько разъ старался выразить братьямъ какое-то желаніе, но они или действительно не понимали его, или не хотѣли понять. Развѣ, въ присутствіи своего духовника, онъ такъ ясно выразилъ требованіе, чтобы подали ему образъ Спасителя, много лѣтъ находившійся въ ихъ семействѣ, что нельзя было не исполнить его воли. Ему подали образъ и поставили подъ него на столѣ. Здоровой рукой онъ пригласилъ братьевъ подойти къ себѣ, а женѣ знакомѣ велѣлъ подать свою шкатулку и отпереть ее. Когда вынули изъ шкатулки акты, которымъ дѣти его признавались законными и наследниками, онъ схватилъ его, залился слезами и, указывая бумагой на образъ, трясь ее передъ братьями. Духовникъ былъ взволнованъ. Обращаясь къ больному, онъ сказалъ:

— «Можетъ быть, вы желаете, чтобы братьцы ваши, передъ образомъ Спасителя, дали обѣтъ исполнить волю вашу, изложенную въ этой бумагѣ?»

Дѣдъ радостно сдѣлалъ утвердительный знакъ и жестомъ просилъ братьевъ приступить къ образу.

Они поклонились передъ Спасителемъ исполнить сказанное въ актѣ и приложились къ нему. Когда они кончили, дѣдъ показалъ имъ на образъ, потомъ на небо и строго погрозилъ пальцемъ.

Когда дѣдъ мой скончался, братья оставались въ Твери до шести недѣль, и заявивши себя и отсутствующаго брата своего Льва Алексѣевича, законными наследниками.

Тѣло Петра Алексѣевича отправили въ Новоселье, по Волгѣ, въ большой шлюпѣ, убраний, снаружи и внутри, чернымъ сукномъ и флеромъ.

Покойного сопровождала вдова Екатерина Валерьяновна и вся ихъ прислуга, въ глубокомъ траурѣ. У берега Корчевы, погребальная процессія остановилась — на берегу, гдѣ ожидали тѣло обѣ дочери Петра Алексѣевича также въ траурѣ и съ искренними слезами.

Всѣ провожатые вышли на берегъ, приглашенный священникъ отслужилъ панихиду — и процессія поплыла далѣе; къ ней присоединились и дочери покойного.

Въ Новосельѣ, когда еще не знали о случившемся, поваръ Сафонъ чѣмъ сталъ говорить, со страхомъ и удивленіемъ, что часто слышитъ дивные голоса, гдѣ-то поющіе: «Святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный, помилуй насъ!» Потомъ, и другіе начали увѣрять, что слышатъ, какъ бы въ воздухѣ, ангельское пѣніе.

Вскорѣ, въ Новосельѣ получили извѣстіе, что владѣлецъ его скончался, а тѣло его везутъ по Волгѣ, и приказъ, приготовить для него могилу, близъ алтаря въ выстроенной имъ церкви.

Тѣло встрѣтили на берегу — священникъ съ причтомъ и хоромъ пѣвчихъ. Тысячи человѣкъ народа осыпали берегъ. Дворовые и крестьяне рыдаю подняли гробъ изъ шлюпки и на рукахъ донесли къ послѣднему пристанищу.

Дѣда положили близъ алтаря рядомъ съ Шавломъ Ивановичемъ Голохвастовымъ, незадолго передъ тѣмъ, кончившимъ жизнь въ Новосельѣ отъ апоплексического удара. Шавла Ивановича похоронили Луиза Ивановна, моя мать и тетка.

По духовному завѣщанію, имѣніе Шумново отдавалось вдовѣ покойного — Екатеринѣ Валерьяновнѣ. Братья завели съ нею

процессъ, въ которомъ оспаривали законность ея брака и духовнаго завѣщанія.

Иванъ и Александръ Алексѣевичи явились въ Новоселье, какъ законные наследники. Съ матерью моей и тетей, они были ласковы и внимательны до крайности, называли ихъ племянницами. Какъ знать своего расположения и участія къ дѣтамъ брата-благодѣтеля, а еще больше для примиренія себѣ от Богомъ и совѣстью, дали каждой племянницѣ по 3,000 рублей серебромъ, а матери ихъ 2,000 и приказъ оставить Шумново, гдѣ она въ это время проживала. Она перѣехала въ домъ из моимъ родителямъ. Каково все это перемѣвалось ими — представить себѣ не трудно. Новоселье съ деревнями, и все, что находилось въ домѣ, нажитое тридцатилѣтними трудами и заботами моей бабушки, даже явно принадлежащее ей и ея дѣтямъ, и отмѣченное ихъ вензелями, какъ-то: серебро, фарфоръ, книги и другія вещи, все осталось у «законныхъ» наследниковъ, т.-е. у братьевъ покойного.

Въ Новоселье Александръ Алексѣевичъ узналъ отъ бывшаго письмоводителя дѣда, крѣпостнаго его человѣка, Константина Толочанова, что въ спальной покойного, дверь которой была запечатана, лежать въ бюро вольноотпускныя всѣмъ дворовымъ людямъ и листъ съ назначенными наградами. Прислуга у дѣда была прекрасная и многочисленная. Александръ Алексѣевичъ рѣшился удержать ее за собой и братьями.

Въ одну темную ночь, въ сопровожденіи Толочанова, онъ отправился въ садъ, и пробрался подъ окно спальной покойного брата. При помощи инструмента, онъ, выѣхавъ съ Константиномъ, вынуль рапу изъ окна и взобрался въ комнату. На окна опустили тѣмно-зеленые штофныя занавѣсы, при свѣтѣ фонаря увидали бюро, очень знакомое Константину, и выбрали изъ него, какъ вольноотпускныя, такъ и наградный листъ. Выѣхали обратно въ окно изъ спальной, вставили раму и, въ отдаленномъ углу сада, сожгли всѣ бумаги, щепель засыпали землей.

Надъ этой насыпью воздвиглись надгробныя памятникомъ мрачные образы крѣпостныхъ мучениковъ и ихъ слезы.

Иванъ Алексѣевичъ ничего не зналъ, даже не подозрѣвалъ и, конечно, не допустилъ бы до этого преступленія.

Ужасъ и отчаяніе распространились по всему дому, когда

узнали, что вольныя и награды, о существованиі которыхъ всѣ знали навѣрное, уничтожены, и они поступаютъ въ раздѣлъ.

Помочь было нечѣмъ. Яковлевы были сила, а сила солому ломить. Несчастные, снова закрѣпленные, стали служить молебны и давать обѣты святымъ угодникамъ уже не обѣ освобожденіи своеемъ, а о томъ только, чтобы не достаться на долю Александра Алексѣевича. Мущинъ онъ тириналъ и мучилъ, молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ бралъ въ свой гаремъ.

Иванъ Алексѣевичъ не гнался за прислугой, даже, по желанію брата, предоставляемъ ему нѣкоторыхъ на обмѣнъ, для избѣженія споровъ и непріятностей.

Прислуга дѣлилась по жребію. Въ числѣ тѣхъ, которымъ назначены были вольныя и награды, находилась крестьянская дѣвушка Лиза — побочная дочь моего дѣда.

Александру Алексѣевичу досталось семейство, бывшаго управляемющаго дѣда, Григорія Андреевовича. Старика съ женой онъ оставилъ при прежней должности, а двухъ дочерей — Машу и Наташу бралъ въ Москву. Дѣвушки, выросшія въ нѣгѣ и почетѣ, въ отчаянны, едва не убили себя. Отецъ упалъ къ ногамъ новаго господина, умоляя о пощадѣ. Господинъ его благосклонно поднялъ, обѣщаю свои милости, а дочерей увезъ. Въ Москвѣ онъ заперъ обѣихъ дѣвушекъ въ верхнемъ этажѣ своего дома, и никого къ нимъ не допускалъ. Измученный, онъ нашли случай переслать письмо къ своимъ родителямъ, въ которомъ описывали свою ужасную жизнь.

Убитые горемъ, старики написали княгинѣ Хованской и Елис. Ал. Голохвастовой, умоляя заступиться за несчастныхъ дѣвушекъ и взять ихъ подъ свое покровительство. Когда сестры стали просить Александра Алексѣевича пощадить дѣтей Григорія Андреевовича въ память брата Петра, онъ прикинулся изумленнымъ, началъ увѣрять, что все это клевета и онъ готовъ обѣихъ отпустить къ отцу, лишь только найдеть къ дѣтямъ хорошую няньку, такъ какъ онъ у него находятся при дѣтяхъ; что онъ живутъ покойно и въ довольствїи и ему ни на что не надобны, старшая — дурна какъ смертный грѣхъ, а меньшую — Наташу, онъ мало и видѣлъ — она отъ него все прячется.

Этимъ разговоромъ все и кончилось.

Достигнувши своей цѣли, Александръ Алексѣевичъ Машу

отправилъ къ родителямъ. Она поступила въ монастырь. Наташа, миловидная блондинка, томилась у него въ гаремѣ съ другими женщинами до его кончины. У нея родилась отъ него дочь Лиза. По смерти Александра Алексѣевича, она уѣхала къ родителямъ и увезла съ собою своего ребенка.

Старики, обнимая внучку, проклинали ея отца.

Отъ одной изъ заключенницъ у Александра Алексѣевича была дочь Наталья, впослѣдствіи, жена Александра Г — на.

Сверхъ многихъ побочныхъ дѣтей, рожденныхъ отъ разныхъ матерей, Александръ Алексѣевичъ имѣлъ совершеннолѣтнаго сына Алексѣя, умнаго, ученаго, образованнаго, извѣстнаго подъ названіемъ химика. О немъ Грибоѣдовъ сказалъ, въ своей бессмертной комедіи:

«Онъ химикъ, онъ ботаникъ,
«Князь Федоръ, нашъ племянникъ.
«Онъ женщина бѣгаєтъ...

Въ наводненіе 1824 года, Александръ Алексѣевичъ ѿхалъ по англійской набережной въ каретѣ, его залило водой, онъ простудился и въ началѣ 1825 года умеръ.

Незадолго до своей кончины, уже 60-ти лѣтъ, онъ женился на матери химика. Этимъ бракомъ привѣнчали своего сына и доставили ему всѣ права законнаго наслѣдства. Онъ поступилъ такимъ образомъ не изъ любви къ сыну, а изъ ненависти къ братьямъ, чтобы не досталось имъ, послѣ него, его имѣніе. Дяди возненавидѣли Алексѣя Александровича за ускользнувшее отъ нихъ наслѣдство и за глаза не называли его иначе, какъ «химикъ», въ смыслѣ порицательномъ, подразумѣвая, что порядочнаго вруга человѣкъ не можетъ заниматься химіей.

«Отецъ страшно тѣснилъ Алексѣя Александровича. Химикъ, послѣ смерти отца, далъ отпускную несчастнѣй женщинамъ и отправилъ ихъ съ дѣтьми въ свое Шацкое имѣніе. Уменьшивъ на половину тяжелый оброкъ, положенный отцемъ на крестьянъ, химикъ простили недоимки и даромъ отдалъ рекрутскія квитанціи, которыя продавалъ имъ старикъ, отдавая дворовыхъ въ солдаты».

По завѣщанію отца, всѣмъ остальнымъ дѣтьмъ, онъ выдавалъ по 3,000 руб. серебромъ, когда они достигали совершеннолѣтія; но на воспитаніе ихъ — химикъ съ умысломъ не обращалъ вни-

манія, опасаясь, по возрастѣ иѣкоторыхъ изъ нихъ воспитать себѣ какія либо затрудненія. Такъ одинъ изъ нихъ Петръ Александровичъ послѣ тщетныхъ просьбъ опредѣлить его въ ученье, долженъ былъ бѣжать изъ деревни въ Москву и здѣсь явился къ дядямъ своимъ Яковлевымъ.

Вся прислуга, оставшаяся послѣ Петра Алексѣевича, была раздѣлена между тремя наслѣдниками. Одни изъ нихъ были отпущены по оброку, другіе распределены въ разныя должности при господахъ. Крестьянскую девушку — Лизу, выдали замужъ за новосельского крестьянина и не только не дали вольной и награды, но даже не отрѣшили отъ барщины. Константина Толочановъ остался письмоводителемъ у сенатора. Черезъ иѣсколько лѣтъ, онъ отравился мышьякомъ; одни говорили съ отчаянія, что жена его бросила и уѣхала съѣмъ-то; другіе — отъ мученій совѣсти за выкраденные вольные. Онъ же, принявши мышьякъ, пришелъ ко Льву Алексѣевичу и объявилъ ему, что онъ отравился потому, что растратилъ вѣренныя имъ ему деньги. Его хотѣли спасти, но онъ не допустилъ до этого и умеръ.

Вслѣдствіе частыхъ непріятностей, возникавшихъ между Катериной Валерьевной и обоими братьями — Александромъ Алексѣевичъ, вмѣстѣ съ братомъ и его семействомъ, переселился въ Шумново. Вскорѣ присоединился къ нимъ и Левъ Алексѣевичъ, возвратившійся изъ Швеціи, куда былъ посланъ, заѣмъ-то, къ Бернадоту.

Одновременно съ наслѣдствомъ послѣ роднаго брата, Яковлевы получили еще огромное наслѣдство, послѣ двоюроднаго брата своего, Николая Михайловича Яковлева, и завели большой процессъ съ графами Девіеръ, также получившими значительную часть имѣнія, послѣ Николая Михайловича.

«Александръ Алексѣевичъ перессорился съ обоими братьями, но, невзирая на открытый разрывъ, они рѣшили не дѣлиться имѣніями до окончанія процессовъ и управлять сообща. И стали сообща имѣніе раззорять. Безпорядокъ тройного управления, при ссорѣ, былъ вопіющъ. Два брата дѣлали все на перекоръ старшему, а онъ — имъ. Старосты и крестьяне теряли голову; одинъ требуетъ подводъ, другой — сѣна, третій — дровъ; каждый распоряжается, каждый посыаетъ своихъ повѣренныхъ. Старшій братъ

назначаетъ старосту, менышой — смѣняетъ его черезъ мѣсяцъ, придавшись къ какому-нибудь вздору, и назначаетъ другаго, котораго старшій братъ не признаетъ.

При этомъ, какъ слѣдуетъ, сплетни, переносы, лазутчики, фавориты и, на днѣ всего, бѣдные крестьяне, не находившие ни расправы, ни защиты, и которыхъ тормошили въ разныя стороны, обременяя двойной работой и неустройствомъ капризныхъ требованій.

Скора между братьями имѣла первымъ слѣдствиемъ, поразившимъ ихъ, потерю огромнаго процесса, въ которомъ они были правы. Имѣя одинъ интересъ, они не могли никогда согласиться въ образѣ дѣйствія; противная партія, естественно, этимъ воспользовалась. Сверхъ потери большаго, прекраснаго имѣнія, сенатъ приговорилъ, каждого изъ братьевъ, къ уплатѣ проторей и убытковъ: по тридцати тысячѣ рублей ассигнаціямъ».

Процессъ съ Екатериной Валерьяновной еще продолжался. Во всѣхъ бумагахъ они называли ее не Яковлевой, а почему-то «удосужливой вдовой Ульской». За Екатерину Валерьяновну вступился Петръ Хрисанфовичъ Обольяниновъ, и она процессъ выиграла. Ей выдали во всѣхъ имѣніяхъ седьмую часть и утвердили за ней Шумново, гдѣ она и прожила до конца дней своихъ, называясь не «удосужливой вдовой Ульской», а «ея пре-восходительствомъ Екатериной Валерьяновной Яковлевой».

Проживши около полугода въ Твери и Новосельѣ, Иванъ Алексѣевичъ, со всѣми своими, уѣхалъ въ Москву, гдѣ нанялъ домъ, вмѣстѣ со Львомъ Алексѣевичемъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ¹⁾.

Изъ-за тумановъ мрачной ночи
Восходить жизнь прошедшихъ ять,
Облечена въ полуопрозрачный,
Полузадумчивый разсвѣтъ.

Н. А. —

Иванъ Алексѣевичъ, по пріѣздѣ въ Москву, нанялъ большой домъ, въ приходѣ Рождества, въ Палашахъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ сенаторомъ Львомъ Алексѣевичемъ.

Верхній этажъ дома занялъ Иванъ Алексѣевичъ. Внизу, въ одной

¹⁾ Въ опущенной третьей главѣ, описывается жизнь автора въ деревеньѣ Карповкѣ, находившейся въ 60-ти verstахъ отъ Корчевы, гдѣ Т — на II — на провела годы своего раннаго дѣтства и отрочества. Деревенскія удовольствія

половинѣ, помѣстился сенаторъ; въ другой — Луиза Ивановна съ Александромъ, Егоромъ Ивановичемъ и женской прислугой. Хозяйство было общее. Иванъ Алексѣевичъ выдавалъ деньги на расходы и принималъ отчеты. Покупки дѣлалъ и завѣдывалъ домашнимъ хозяйствомъ, большею частію, Карлъ Ивановичъ Кало, камердинеръ сенатора, привезенный имъ изъ Пруссіи. Это былъ человѣкъ самый честный и добродушный. Онъ пользовался не только всеобщей любовью, но и глубочайшимъ уваженiemъ.

Сверхъ домашняго хозяйства, Кало завѣдывалъ расходами и гардеробомъ сенатора, присутствовалъ при его одѣваныи и раздѣваныи; вариль и подавалъ ему утромъ кофе; готовилъ закуску, когда сенаторъ заѣзжалъ, передъ обѣдомъ, домой, чтобы перемѣнить платье, или четверку лошадей. Кало встрѣчаль и провожалъ сенатора и до того былъ ему преданъ, что не рѣшился жениться на любимой дѣвушкѣ, когда сенаторъ, на просьбу его о женитьбѣ, отвѣчалъ, что женатаго человѣка въ услуженіи при себѣ держать не станетъ. Подъ наблюденiemъ Кало состояла вся прислуга сенатора: одни убирали комнаты, другіе были выездными. Послѣдніе полжизни не сходили съ запятоекъ экипажа. Сенаторъ былъ по характеру человѣкъ очень добрый, любившій разсѣяніе. «Онъ провелъ всю жизнь, какъ говориль потомъ Александръ: въ мірѣ, освѣщенномъ лампами, въ мірѣ офиціально-дипломатическомъ и придворно-служебномъ, не догадываясь, что есть другой міръ, посыреznѣ; не смотря даже на то, что всѣ события 1789 и 1815 годовъ не только прошли подлѣ, но зацѣпляясь за него. Графъ Воронцовъ послалъ его къ лорду Гренвилю, чтобы узнать о томъ, что предпринимаетъ генералъ Бонапартъ, оставилшій египетскую армію. Онъ былъ въ Парижѣ во время коронованія Наполеона. Въ 1811 году Наполеонъ велѣлъ его остановить и задержать въ Касселѣ, гдѣ онъ былъ посломъ при «царѣ Ерэмѣ» (Jegomе), какъ выражался Иванъ

и дѣтскія игры наполняли все время. Въ Корчевѣ ребенокъ былъ свидѣтелемъ шумной жизни своего отца. Эпиграфъ къ третьей главѣ:

На умъ приходятъ часто мы,
Мои младенческие годы:
Село въ вечерней тишинѣ,
Въ саду свѣтившися воды
И жизнь въ какомъ-то полуснѣ.

0.

Алексѣевичъ въ минуты досады. Словомъ, онъ былъ на лицо при всѣхъ огромныхъ происшествіяхъ послѣднаго времени, но какъ-то странно, не такъ какъ слѣдуетъ. Пока дипломатические вопросы разрѣшились нитками и картечью—онъ былъ посланикомъ и заключилъ свою дипломатическую каррьеру во время вѣнскаго конгресса». «Возвратившись въ Россію, онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные камергеры, въ Москвѣ, гдѣ не было двора; не зная законовъ и русскаго судопроизводства, онъ попалъ въ сенатъ и сѣяланъ членомъ Опекунскаго совѣта, начальникомъ Маринской больницы и начальникомъ Александрийскаго института; всѣ должности исполнялъ съ рвенiemъ и строптивостью, которая вредили; съ честностью, которую никто не замѣчалъ». Утромъ онъ ѿхалъ въ сенатъ, два раза въ недѣлю въ Опекунскій совѣтъ, сверхъ института и больницы; обѣдалъ, раза три въ недѣлю, въ англійскомъ клубѣ. Вечеромъ навѣщалъ тетку, княжну Анну Борисовну, сестерь, или являлся во французскій спектакль, часто въ срединѣ пьесы уѣзжалъ, не дождавшись конца. Домой заѣзжалъ разсказать новость. Разсказывалъ съ жаромъ; самъ добродушно смѣялся своему рассказу и чрезвычайно былъ доволенъ, когда смѣшилъ другихъ, или заинтересовывалъ брата Ивана.

Иванъ Алексѣевичъ, слушая его, часто показывалъ видъ полнаго невниманія, и когда сенаторъ, рассказывая что-нибудь занимательное, думалъ, что морить со смѣха, — онъ переспрашивалъ его, въ чемъ дѣло.

Сенаторъ, какъ старшій братъ, говорилъ Ивану Алексѣевичу ты; а Иванъ Алексѣевичъ, какъ младшій, сенатору—вы, но, несмотря на этотъ знакъ уваженія къ старшинству, при малѣйшемъ противорѣчіи сенатора, иногда, ни съ того, ни съ сего, а такъ просто отъ дурнаго расположенія духа, Иванъ Алексѣевичъ нападалъ на сенатора съ такимъ хладнокровіемъ, что тотъ выходилъ изъ себя и, запальчиво хлопнувъ дверью, уѣзжалъ со двора.

Скучать сенатору было некогда, онъ всегда былъ занятъ, разсѣянъ; онъ все ѿхалъ куда-нибудь, и жизнь его легко катилась на рессорахъ по міру обертовъ и переплетовъ; за то онъ до 75-ти лѣтъ былъ здоровъ, какъ молодой человѣкъ, явился на всѣхъ большихъ балахъ и обѣдахъ, на всѣхъ торжественныхъ собраніяхъ и годовыхъ актахъ, все равно какихъ: агрономиче-

сихъ, или медицинскихъ, страхового общества отъ огня, или естество-испытателей... Недѣлъ ничего себѣ представить больше противоположнаго вѣчнодвижущемуся, сангвиническому сенатору, иногда заѣзжавшему домой,— какъ его брата Ивана Алексѣевича, почти никогда невыходившаго со двора, ненавидящаго весь официальный міръ, вѣчно капризного и недовольнаго. У него было тоже восемь лошадей (прескверныхъ), но него конюшня была въ родѣ богоугоднаго заведенія для клячъ. Иванъ Алексѣевичъ держалъ ихъ отчасти для того, чтобы два кучера и два ферейтора имѣли какое-нибудь занятіе, сверхъ хожденія за «Московскими Вѣдомостями» и пѣтушиныхъ боевъ, которые они завели съ успѣхомъ между каретнымъ сараемъ и соседнимъ дворомъ.

«Иванъ Алексѣевичъ рѣдко бывалъ въ хорошемъ расподѣженіи духа, онъ постоянно былъ всѣмъ недоволенъ; человѣкъ большаго ума, большой наблюдательности, онъ бездну видѣть, слышать, помнить; свѣтскій человѣкъ, ассонплі, онъ могъ быть чрезвычайно любезенъ и занимателенъ, но онъ не хотѣлъ этого, и все болѣе и болѣе впадалъ въ капризное отчужденіе отъ всѣхъ. Трудно сказать, что, собственно, влило столько горечи и желчи въ его кровь. Эпохи страстей, большихъ несчастій, ошибокъ, потерпѣвъ—всё не было въ его жизни. Я, разсказывая Александрѣ: никогда не могъ вполнѣ понять, откуда происходила злая насыщика и раздраженіе, наполнявшія его душу, его недовѣрчивое удаленіе отъ людей и досада, снѣдавшая его. Развѣ онъ унесъ съ собой въ могилу какое-нибудь воспоминаніе, которое никому не довѣрилъ, или это было просто слѣдствіе встрѣчи двухъ вещей, до того противоположныхъ, какъ осемнадцатый вѣкъ и русская жизнь, при посредствѣ третьей, ужасно способствующей развитію праздности. Прошлое столѣтіе произведо удивительный крахъ людей на западѣ, особенно во Франціи, со всѣми слабостями регенцства, со всѣми силами Спарты и Рима. Эти Фоблазы и Регулы вмѣстѣ отворили настежь двери революціи и первые ринулись въ нее, послѣднѣи толкая другъ друга, чтобы выйтіи въ «окно» гильотины. Нашъ вѣкъ не производитъ больше этихъ цѣльныхъ, сильныхъ натуру, прошлое столѣтіе, напротивъ, вызвало ихъ вездѣ, даже тамъ, гдѣ онъ не были нужны, гдѣ онъ не могли иначе развиться, какъ въ уродство. Въ Россіи люди, подвергнувшіеся влі-

нио этого мощного западного вѣянія, не вышли историческими людьми, а людьми оригиналными. Иностранные — дома, иностранцы — въ чужихъ краяхъ, праздные зрители, испорченные для Россіи западными предразсудками, для запада — русскими привычками, они представляли какую-то умную ненужность и терялись въ искусственной жизни, въ чувственныхъ наслажденіяхъ и въ нестерпимомъ эгоизмѣ.

«Къ этому кругу принадлежалъ въ Москвѣ, на первомъ планѣ, блестящій умомъ и богатствомъ русскій вельможа, европейскій *grand seigneur* и татарскій князь Николай Борисовичъ Юсуповъ.. Около него была цѣлая плеяда сѣдыхъ волокитъ и *esprits forts*.

«Иванъ Алексѣевичъ, по воспитанію, по гвардейской службѣ, по жизни и связямъ, принадлежалъ къ этому же кругу, но ему, ни его нравъ, ни его здоровье не позволяли вести до семидесяти лѣтъ вѣтранную жизнь, и онъ перешелъ въ противоположную крайность. Онъ хотѣлъ устроить себѣ жизнь одинокую, въ ней его ждала смертельная скуча, тѣмъ болѣе, что онъ только для себя хотѣлъ ее устроить. Твердая воля превращалась въ упрямые капризы, незанятыя силы портили нравъ, дѣлая его тяжелымъ.

«Людей онъ презиралъ, откровенно, открыто всѣхъ. Ни въ какомъ случаѣ онъ не разсчитывалъ ни на кого, и ни къ кому не обращался значительной просьбой, онъ и самъ ни для кого ничего не дѣлалъ. Въ сношеніяхъ съ посторонними онъ требовалъ одного, — сохраненія приличій; *les apparences, les convenances* составляли его нравственную религию. Онъ многое прощалъ или, лучше сказать, пропускалъ сквозь пальцы, но нарушеніе формъ и приличій выводило его изъ себя, и тутъ онъ становился безъ всякой терпимости, безъ малѣйшаго снисхожденія и состраданія. Онъ впередъ былъ увѣренъ, что всакій человѣкъ способенъ на все дурное, и если не дѣлаетъ, то или не имѣеть нужды, или случай не подходитъ. Въ нарушеніи же формъ, онъ видѣлъ личную обиду, неуваженіе къ нему, или «мѣщанскоѣ воспитаніе», которое, по его мнѣнію, отлучало человѣка отъ всякаго людскаго общества.

«Душа человѣческая, говаривалъ онъ, потемки, и кто знаетъ, что у кого на душѣ; у меня своихъ дѣлъ слишкомъ много, чтобы

заниматься другими, да еще судить и пересуживать ихъ намѣренія; но съ человѣкомъ, дурно воспитаннымъ, я въ одной компаніѣ не могу быть, онъ меня оскорбитъ «фруасириуетъ», а тамъ, онъ можетъ быть добрѣйший въ мірѣ человѣкъ, за то ему будетъ място въ раю, но мнѣ его ненадобно. Въ жизни всего важнѣе *esprit de conduite*, важнѣе превыспренія ума и всякаго ученія. Вездѣ умѣть найтиться, нигдѣ не соваться впередъ, со всѣми — чрезвычайная вѣжливость и ни съ кѣмъ — фамильярности».

«Онъ не любилъ никакого *abandon*, никакой откровенности, онъ все это называлъ фамильярностію, такъ, какъ всякое чувство — сентиментальностью. Онъ постоянно представлялъ изъ себя человѣка, стоявшаго выше всѣхъ этихъ мелочей, для чего? съ какой цѣлью? въ чемъ состоялъ высшій интересъ, которому жертвовалъ сердце? я не знаю. И для кого этотъ гордый старикъ, такъ искренно презиравшій людей, такъ хорошо знавшій ихъ, представлялъ свою роль безстрастнаго судьи? Для женщины, которой волю онъ сломилъ, не смотря на то, что она иногда ему противорѣчила; для больнаго, постоянно лежавшаго подъ ножемъ оператора, для мальчика, изъ рѣзвости котораго онъ развилъ непокорность, для дюжины лакеевъ, которыхъ онъ не считалъ людьми! И сколько силь, терпѣнія было употреблено на это, сколько настойчивости, и какъ удивительно вѣрно была доиграна роль, несмотря ни на лѣта, ни на болѣзни! Дѣйствительно, душа человѣческая потемки.

«Разумѣется, онъ не былъ счастливъ, всегда на сторожѣ, всѣмъ недовольный; онъ видѣлъ, съ стѣсненнымъ сердцемъ, непрязненные чувства, вызываемыя имъ у всѣхъ домашнихъ; онъ видѣлъ, какъ улыбка пропадала съ лица, какъ останавливалась рѣчь, когда онъ входилъ; онъ говорилъ объ этомъ съ насмѣшкой, съ досадой, но не дѣлалъ ни одной уступки и шелъ съ величайшей настойчивостію своей дорогой. Насмѣшка, иронія холодная, язвительная и полная презрѣнія — было орудіе, которымъ онъ владѣлъ артистически; онъ его равно употреблялъ противъ всей семьи и противъ слугъ. Въ первую юность многое скорѣе можно вынести, нежели шпынянье».

Вследствіе этого, Саша удалялся отъ отца и даже вѣрь противъ него маленькую войну, соединяясь со слугами и служанками.

Вмѣстѣ съ меланхоліей у Ивана Алексѣевича росла бережли-

вость, обращенная на ничтожные предметы. Своимъ имѣніемъ онъ управлялъ дурно и для себя, и для крестьянъ. Старосты и его missi dominici грабили барина и мужиковъ, за то все, находившееся на глазахъ, было подвержено двойному контролю; тутъ береглись свѣчи, въ то самое время, какъ въ деревнѣ изводили цѣлый лѣсъ, а въ другой — ему же продавали его собственный овесъ. У него были привилегированные воры: крестьянинъ, котораго онъ сдѣлалъ сборщикомъ оброка въ Москвѣ и котораго посыпалъ, всякое лѣто, ревизовать старосту, огородъ, лѣсъ и работы, купилъ, лѣтъ черезъ десять, въ Москвѣ домъ.

Александръ съ дѣтства не могъ терпѣть этого министра безъ портфеля, какъ онъ называлъ его. Разъ, увидѣвшіи, какъ онъ на дворѣ билъ какого-то старого крестьянина, Саша вышелъ изъ себя, бросился на него, вѣпился ему въ бороду и чуть не упалъ въ обморокъ, и послѣ этого никогда не могъ его видѣть равнодушно. Всегда говорилъ отцу, что Шкунъ, такъ звали этого довѣренного, его обкрадываетъ; и на возраженія Ивана Алексѣевича, спрашивалъ: «откуда же Шкунъ взялъ деньги на покупку дома?»

— «А вотъ что значить трезвость, отвѣчалъ Иванъ Алексѣевичъ, онъ капли вина въ ротъ не береть».

Сверхъ всего остального, Иванъ Алексѣевичъ увѣрилъ себя, что опасно болѣть и безпрестанно лѣчился; кроме домового доктора, къ нему бѣздили два или три медика, и онъ дѣлалъ, по крайней мѣрѣ, три консиліума въ годъ.

Кромѣ разныхъ лѣкарствъ, ежедневно пилъ декоктъ изъ корней конскаго щавеля, а для смягченія груди — отварь изъ яблоковъ и сухой земляники. Комнаты его были всегда жарко натоплены, но, не взирая на это, онъ постоянно носилъ халатъ на бѣлыхъ мерлушкахъ и поярковые сапоги, а на обритой головѣ — красную, суконную шапочку, съ лиловой кистью, которую, впослѣдствіи, замѣнилъ бархатной¹⁾.

Единственнымъ предметомъ его привязанности былъ Александръ. Любовь его къ нему выражалась особенно ярко во время

¹⁾ У сына автора настоящихъ записокъ — В. В. Пассека — имѣется портретъ Ив. Алекс. Яковлева. Это мастерской рисунокъ съ натуры и на камнѣ (литографія) исполненный въ 1845 г. К. Горбуновымъ. Ив. Алекс. изображенъ въ креслѣ, въ халатѣ и ермолкѣ, съ высоко поднятыми воротничками рубахи

дѣтства послѣдняго. Заботливость о его здоровье и забавахъ до-ходила до крайности.

Сберегая ребенка отъ простуды, онъ не выпускалъ его изъ комнаты цѣлую зиму, а если дозволялъ прокатить въ каретѣ, то, сверхъ шубы и теплой шапки, закутывалъ платками и шарфами. Предостерегая отъ разстройства желудка, держаъ его на строгой диэтѣ. Обѣдъ Александра, до восьми или девятилѣтняго возраста, состоялъ изъ тарелки бульона, съ бѣлымъ хлѣбомъ, котлеты, или кусочка жаренаго и компота изъ яблокъ и чернослива, или пече-наго яблока. До этого же возраста, одежда его состояла изъ панталонъ, сшитыхъ изъ китайки, пленжеваго цвѣта, съ высокимъ воротомъ и длинными рукавами, сверхъ нихъ; во время обѣда и завтрака, состоявшаго изъ чашки бульона и котлеты, надѣвали на него фартукъ изъ салфеточнаго полотна. При малѣйшемъ насморкѣ, или кашлѣ, поднимались такія страшныя хлопоты и тревога, что, глядя на нихъ, ребенокъ начиналъ воображать себя очень больнымъ и принимался блажить до того, что всѣхъ выводилъ изъ терпѣнія. Сейчасъ являлся докторъ, прописывалъ лѣкарства, которая давалъ ему, по часамъ, самъ Иванъ Алексѣевичъ, и самъ за нимъ ухаживалъ. Если Александръ, отъ жара въ комнатѣ и излишняго за нимъ ухода, раздражался и принимался колобродить и метаться,—Иванъ Алексѣевичъ садился подлѣ него и старался его развлечь, а когда это не помогало, бралъ его на руки, ходилъ съ нимъ по комнатѣ, несмотря на то, что ребенокъ изгибался у него на рукахъ и брыкался ногами, носилъ его до тѣхъ поръ, пока онъ успокоивался. Кромѣ Ивана Алексѣевича, Сашу баловали на всѣ руки. Сенаторъ дарилъ ему дорогія, затѣй-ливыя игрушки. Карлъ Ивановичъ, имѣвшій къ нему женскую привязанность, нянчилъ и тѣшилъ его. Саша часто цѣлые дни проводилъ въ его комнатѣ, докучалъ ему, притѣснялъ его, ша-лилъ—онъ все выносилъ съ добродушной улыбкой, вырѣзывалъ ему изъ картонной бумаги разныя чудеса, точилъ разныя бездѣлицы изъ дерева. По вечерамъ приносилъ изъ библиотеки книги съ картинками: «Путешествія Гмелина и Палласа» и еще толстую

и наглохо застегнутомъ жилетѣ. Выраженіе лица въ высшей степени своеобразно: вы видите предъ собой какого-то мизантропа съ явнымъ сарказмомъ, проглядывающимъ во всемъ выраженіи лица. Странно сказать, но вся фигура напоминаетъ извѣстный бюстъ Вольтера.

Ред.

книгу «Свѣтъ въ лицахъ»; по два часа Кало показывалъ єму одинъ и тѣ же изображенія, повторяя тѣ же объясненія въ тысячный разъ.

Луиза Ивановна меньше другихъ его нѣжила, но не перечила шумѣть, кричать, шалить цѣлые дни. Онъ былъ такъ живъ и рѣзъ, что пяти минутъ не могъ оставаться на одномъ мѣстѣ безъ шума. Колотиль, стучаль, ломаль, только трещали дорогія игрушки. По цѣлымъ часамъ барабанилъ въ барабанъ, расхаживая вокругъ комнаты и ни на кого не обращая вниманія. Иногда становился на притолокѣ двери, складывалъ назадъ руки, начиналъ продолжительно прыгать на одномъ мѣстѣ и пѣть на всю комнату краковскій. Для этой операциіи, почему-то, онъ всегда надѣвалъ халатикъ и подпоясывался зеленымъ шелковымъ поясомъ Ивана Алексѣевича, съ серебряной пряжкой. Разъ онъ такъ надоѣль матери шумомъ и трескотней, что она стала строго останавливать его. Новость эта до того поразила Александра, что онъ, посмотрѣвши пристально на мать, вскрикнулъ: «Прощайте, умираю», бросился навзничь, сложилъ руки, закрылъ глаза и долго оставался неподвиженъ, какъ ни уговаривали его встать. Къ этому средству онъ сталъ прибѣгать при малѣйшемъ противорѣчи. Чтобы прекратить такую выходку, однажды, какъ онъ, сказавши «умеръ», протянулся на полу, Луиза Ивановна закричала: «Подите сюда кто-нибудь, Саша умеръ, вынесите его и похороните». Въ одно мгновеніе онъ вскочилъ на ноги, говоря: «Какъ, меня похоронить? Нѣтъ! Я умеръ, но уйду!» и мгновенно исчезъ; съ тѣхъ поръ больше не пробовалъ умирать.

Дни имянинъ и рожденія Сапи праздновались торжественно. Вотъ какъ объ этомъ онъ самъ разсказывалъ и чemu я, съ раннихъ лѣтъ, была свидѣтельницей.

«Передъ этими торжественными днями, Кало запирался въ своей комнатѣ, откуда были слышны разные звуки молотка и другихъ инструментовъ; часто быстрыми шагами проходилъ онъ по коридору, всякий разъ запирая на ключъ свою дверь, то съ кастрюлькой клея, то съ какими-то, завернутыми въ бумагу, вещами. Можно себѣ представить, какъ мнѣ хотѣлось знать, что онъ готовитъ; я подсыпалъ дворовыхъ мальчиковъ выбѣдать, но Кало держалъ ухо востро. Мы какъ-то открыли на лѣстницѣ небольшое отверстіе, падавшее прямо въ его комнату, но и оно

намъ не помогло; видна была верхняя часть окна и портретъ Фридриха II, съ огромнымъ носомъ, съ огромной звѣздой и съ видомъ исхудалаго коршуна. Дни за два, шумъ переставалъ, комната была отворена, все въ ней было по старому, кой-гдѣ валялись только обрѣзки золотой и цвѣтной бумаги; я краснѣль, снѣдаемый любопытствомъ; но Кало, съ натянуто-серезнымъ видомъ, не касался щекотливаго предмета.

Въ мученьяхъ доживалъ я до торжественнаго дня. Въ пять часовъ я уже просыпался и думалъ о приготовленіяхъ Кало; часовъ въ восемь — являлся онъ самъ, въ бѣломъ галстукѣ, въ бѣломъ жилетѣ, въ синемъ фракѣ, съ золотыми пуговицами и съ пустыми руками,—когда же это кончится? Не испортитъ ли онъ? И время шло, и обычные подарки шли, и лакей Елизаветы Алексѣевны Голохвастовой уже приходилъ съ завязанной въ салфеткѣ богатой игрушкой, и сенаторъ уже приносилъ какія-нибудь чудеса, но беспокойное ожиданіе сюрприза мутило радость. Вдругъ, какъ-нибудь невзначай, послѣ обѣда, или послѣ чая, нянюшка говорила мнѣ:

— «Сойдите на минутку внизъ, васъ спрашиваетъ одинъ человѣчекъ».

— Вотъ оно, думалъ я, и спускался, скользя на рукахъ, по поручнямъ лѣстницы. Двери въ залу отворяются съ шумомъ, играетъ музыка, транспарантъ съ моимъ вензелемъ горитъ, дворовые мальчики, одѣтые турками, подаютъ мнѣ конфеты, потомъ кукольная комедія, или комнатный фейерверкъ. Кало, въ поту, суетится, все самъ приводить въ движение и не меныше меня въ восторгѣ.

«Какие же подарки могли стать рядомъ съ такимъ праздникомъ, я же никогда не любилъ вещей, бугоръ собственности и стажанія никогда не былъ у меня развитъ, ни въ какой возрастъ. Усталъ отъ неизвѣстности, множество свѣчекъ, фольги и заражъ пороха! Недоставало, можетъ, одного товарища, но я все ребячество провелъ въ одиночествѣ, и, стало, не былъ избалованъ съ этой стороны».

Родственники Ивана Алексѣевича, видя безмѣрную избалованность Александра, предрекали, что въ немъ не будетъ пути, а, основываясь на его тщедушности, ожидали, что чахотка скоро унесетъ его изъ этого міра.

Действительно, это былъ ребенокъ худой, блѣдный, съ рѣдкими, длинными, блокурыми волосами, съ большими, темно-сѣрыми глазами, въ которыхъ порой блестѣли искры, и рано засѣтилась мысль. Не взирая на его чрезмѣрную живость, онъ рѣдко улыбался, шалилъ, ломалъ, шумѣлъ съ серьезнымъ видомъ, какъ-будто дѣлая дѣло. Часто, бросивши игрушки, онъ останавливалъ взоръ на одномъ предметѣ, и какъ бы вдумывался во что-то. Чувствуя нерасположеніе къ себѣ родныхъ со стороны отца своего, несмотря на ихъ видимое вниманіе, онъ и самъ ихъ не любилъ, и старался избѣгать ихъ присутствія. Въ особенности онъ старательно удалялся отъ княгини Маріи Алексѣевны Хованской, которая, изъ любви къ брату Ивану и по долгу христіанки, какъ она выражалась, желая сколько-нибудь исправить избалованнаго ребенка, всякий разъ, какъ только онъ попадался ей на глаза, читала ему нравоученія и пугала его, говоря, что до нея доходятъ слухи, какъ онъ напризничаетъ и никого не слушаетъ, и что, если это правда, то она его запретъ въ свой ридикюль или табакерку. Потомъ, обращаясь къ брату, прибавляла: «отдай-ка мнѣ своего баловника на исправленіе, я его сдѣлаю шелковымъ». Александръ боялся ее до смерти, иногда достаточно было сказать: «Вотъ постойте, я скажу княгинѣ, что вы не слушаетесь», и онъ дѣжался шелковымъ.

Всѣ видѣли въ «Шушкѣ» только баловня, изъ котораго не будетъ никакого толка, но никто не умѣлъ, изъ-за баловства, разсмотретьъ, сколько ума, добродушнаго юмора и нѣжности было въ этомъ ребенкѣ. Никто не обратилъ вниманія на врожденныя ему чувства деликатности и человѣколюбія, которыхъ, не взирая на эгоистическую, полную деспотизма среду, въ которой онъ росъ и развивался и въ которой могъ быть первымъ деспотомъ, были въ немъ такъ сильны, что онъ рано почувствовалъ, а вскорѣ и понялъ все отталкивающее окружавшаго его міра, сочувствуя всему угнетенному, до слезъ возмущался несправедливостью, постоянно нуждался въ сердечномъ привѣтѣ, страстью, беззавѣтно отдавался чувству дружбы и любви, и умѣлъ сохранить эти свойства души.

Одинъ Иванъ Алексѣевичъ понималъ его, понималъ содѣжившіяся въ немъ возможности и старался развить въ немъ сдержанность. Разъ, когда Александру было лѣтъ четырнадцать, вечеромъ,

собралось у Ивана Алексеевича человѣкъ десять почетныхъ посѣтителей, въ томъ числѣ былъ и сенаторъ; всѣ они усѣлись въ залѣ около круглого стола, за которымъ Луиза Ивановна разливала чай; мы съ Александромъ помѣстились въ этой же комнатѣ, за особымъ небольшимъ столомъ и, разложивши на немъ огромную книгу, въ богатомъ переплѣтѣ, съ дворянскими гербами и родословными, стали ее разсматривать. Кто-то изъ посѣтителей, обратясь къ намъ, спросилъ, какая это у насъ книга. Александръ, не задумавшись, отвѣтилъ: «Зоологія». Я засмѣялась, нѣкоторые изъ гостей, изъ угощенія Ивану Алексеевичу, одобрительно улыбнулись Александровой остротѣ; но Иванъ Алексеевичъ не улыбнулся, а когда гости разѣхались, задалъ намъ такую гонку, что мы долго не забывали «Зоологии». Меня распекъ, зачѣмъ поощряю Шушку къ дерзостямъ, забавляясь его неумѣстными остротами, а его — какъ смѣль непочтительно выразиться о русскомъ дворянствѣ, служившемъ отечеству; и заключилъ свою нотацію, обращаясь уже къ одному Александру, словами:

— «Ты не думай, любезный, чтобы я высоко ставилъ превыс-преній умъ и остроуміе, не воображай, что очень утѣшилъ меня, если мнѣ скажутъ вдругъ: вашъ Шушка издалъ сочиненіе: «Чортъ въ телѣжкѣ», а я на это отвѣчу: «скажите Вѣрѣ, чтобы вымыла его въ корытѣ».

Мы покатились со смѣха.

Старикъ сдѣлалъ видъ, что этого не замѣтилъ, подошелъ въ круглому столу, подъ которымъ спокойно лежалъ любимый его песь Макбетъ, крикнулъ человѣка и велѣлъ ему вывести Макбета во дворъ.

Потомъ, обратясь къ намъ, сказалъ:

— «Въ жизни, *esprit de conduite* важнѣе превыспреніаго ума и всякаго ученья».

Луиза Ивановна, кроткая, добродушная больше всѣхъ въ домѣ была любима. Съ каждымъ обращалась она ласково и снисходительно, за каждого заступалась, не вмѣшиваясь ни въ какія дѣла. Вмѣстѣ со всѣми она несла долю притѣсненій и оскорблений отъ капризовъ Ивана Алексеевича. Иногда, выйдя изъ терпѣнія, она дѣлала оппозицію, но какъ это бывало всегда въ бездѣлицахъ, то и оставалось безъ всякаго полезнаго результата. Тихо протекала лучшая пора ея жизни, въ мелкихъ домашнихъ заботахъ, въ

чтениј книгъ нѣмецкихъ авторовъ, попечениј обѣ Александрѣ и о постоянно больномъ и капризномъ старикѣ. Знакомыхъ у нее почти никого не было; выѣзды Луизы Ивановны ограничивались, по праздникамъ посещенiemъ лютеранской церкви, да утренними прогулками на Прѣсненскіе пруды, и иногда поездками загородъ вмѣстѣ со всѣми нами.

Проведя нѣсколько лѣтъ за границей, Иванъ Алексѣевичъ и сенаторъ хотѣли устроить жизнь на иностранный манеръ, безъ большихъ тратъ и съ сохраненiemъ всѣхъ русскихъ удобствъ. Жизнь на иностранный манеръ не устраивалась, оттого ли, что не умѣли сладить, оттого ли, что помѣщичья натура брала верхъ надъ иностранными привычками. Хозяйство было общее, имѣніе нераздѣльное, огромная дворня заселяла нижній этажъ дома, всѣ условія безпорядка, стало-быть, были на лицо. Пока сенаторъ жилъ вмѣстѣ съ Иваномъ Алексѣевичемъ, общая прислуга было человѣкъ до шестидесяти, кромѣ ребятишекъ, которыхъ пріучали къ службѣ, т.-е. къ праздности, лѣни и лганью.

Семейные женщины не несли никакой службы, и занимались только своимъ хозяйствомъ. Въ прислугѣ находилось нѣсколько горничныхъ и прачекъ.

Во главѣ женской прислуги была Вѣра Артамоновна; вторую роль играла Марія Ивановна Юдина, столько же вспыльчивая и самолюбивая, сколько Вѣра Артамоновна была тиха и простодушна. Держала себя Марія Ивановна свысока, одѣвалась изысканно. По воскресеньямъ всегда въ кисейномъ платьѣ на розовомъ чехлѣ, съ бантиами изъ розовыхъ лентъ. Ее приставили было въ помощь Вѣрѣ Артамоновнѣ къ Шушкѣ, но скоро отъ этой должности отстранили. Замѣтили, что, укладывая спать неугомонного ребенка, она, чтобы унять его, щипала его, била и угрожала, что если онъ пикнетъ, то она приколотить его еще болѣе, ребенокъ плакалъ втихомолку.

Луизѣ Ивановнѣ служила молоденькая дѣвушка, Марина, переименованная въ Марріану. Комнаты на половинѣ Луизы Ивановны убирались тремя дочерьми повара Сафоныча, ими же исполнялись разныя черныя работы въ домѣ. М-те Прово давалась особая комната. Она занимала мѣсто при Александрѣ, въ родѣ женского шеpіп. Должность ея состояла въ томъ, чтобы говорить съ нимъ по-нѣмецки, учить читать и бодить гулять.

Мужская прислуга состояла изъ камердинера Ивана Алексѣевича — Никиты Андреевича, низенькаго, плѣшиваго, раздражительного и сердитаго. Онъ помѣщался подъ барининой спальнѣ, читалъ «Московскія Вѣдомости», трессировалъ волосы для париковъ и неистово нюхалъ табакъ. Иванъ Алексѣевичъ постоянно дѣлалъ ему поученія, но какъ этотъ человѣкъ былъ ему необходимъ, сносилъ иногда отъ него самые грубые отвѣты и дерзкия выходки. Бакай занималъ должность выѣзднаго слуги при Луизѣ Ивановнѣ и исполнялъ съ той же торжественною важностью, какъ и при бабушкѣ моей. Сверхъ того, дрессировалъ кудрявую, съ коричневыми ушами, собаку Берту, а по смерти ея взялъ подъ свое покровительство пьюфаунденскую блѣющую собаку, Макбета. Кромѣ Бакая въ передней находилось человѣка четыре прислуги. Кто убиралъ комнаты, вправлялъ свѣчи и смотрѣлъ за печами, кто обязанъ былъ грѣть передъ печью газеты, прежде нежели подавали ихъ барину. «Ни сенаторъ, ни Иванъ Алексѣевичъ не тѣснили особенно дворовыхъ, т.-е. не тѣснили физически. Сенаторъ былъ вспыльчивъ, нетерпѣливъ, и именно потому часто грубъ и несправедливъ, но онъ такъ мало имѣлъ съ ними соприкосновенія и такъ мало ими занимался, что они почти не знали другъ друга. Иванъ Алексѣевичъ докучалъ имъ капризами, не пропускалъ ни взгляда, ни слова, ни движенія и безпрестанно училъ; для русскаго человѣка это часто хуже побоевъ». Содержали прислугу довольно хорошо, дѣломъ не обременяли. У каждого и каждой была своя обязанность, очень легкая, но Иванъ Алексѣевичъ умѣлъ сдѣлать ее, временами, тяжелѣ тяжелой, безпрестанными капризами, испытаніемъ и поученіями. Тѣлесныя наказанія были почти неизвѣстны. Два-три случая, въ которые прибѣгли къ посредству частнаго дома, были до того необыкновенны, что объ нихъ вся дворня говорила цѣлые мѣсяцы; сверхъ того они были вызываемы значительными проступками. Чаще отдавали дворовыхъ въ солдаты; наказаніе это приводило въ ужасъ всѣхъ молодыхъ людей; безъ рода, безъ племени, они все же лучше хотѣли остаться крѣпостными, нежели тянуть лямку.

Дядю Шушкѣ сцены эти поражали жестоко. Онъ отдавалъ несчастному все, чѣмъ только могъ распорядиться.

Каждую зиму мать моя, а вмѣсть съ нею и тетушка, Елисавета Петровна, прѣѣзжали въ Москву, иногда привозили и меня

съ собою. Мы останавливались всегда у княжны Анны Борисовны. Въ передней нась встречали старые, сѣдые лакеи, которые постоянно занимались строченьемъ подтяжекъ по заказу и мальчики, читающіе засаленные книги духовнаго содержанія, удовлетворяясь процессомъ чтенія. Глубокая тишина, распространенная во всемъ домѣ, прерывалась время отъ времени визгомъ мартышки въ нарядѣ Дебардера, сидѣвшей на цѣпи въ дѣвичьей, подлѣ печки. Во внутреннихъ комнатахъ нась принимали чинные горничныя, одѣтые въ темныя платья, съ большими чепцами на головахъ. Онѣ ходили тихо, говорили шепотомъ, доклады давали едва шевеля губами. Въ спальной комнатѣ представлялись мы княжнѣ. Я ее помню уже старушкой, небольшаго роста, съ добрымъ, но важнымъ и нѣсколько строгимъ выраженіемъ лица. Она сидѣла всегда на зеленомъ штофномъ диванѣ, передъ овальнымъ столомъ, на которомъ раскладывала иногда пасьянсъ, или складывала кась-тетъ. Тутъ же стояли передъ неей на столѣ разныя штучки, родъ игрушекъ, которыми забавляли ее племянники. Она любовалась ими нѣсколько времени, потомъ дарила комунибудь. Поль въ этой комнатѣ былъ обитъ зеленымъ сукномъ, на окнахъ, выходившихъ въ садъ Голохвастовыхъ, висѣли зеленые штофныя занавѣсы. Подлѣ внутренней стѣны было архива въ четыре длины и ширины небольшое возвышеніе, съ двумя ступенями, отдѣленное колоннами отъ остальной части комнаты. Тамъ стоялъ турецкій, широкій диванъ, на которомъ княжна спала нощью; передъ нимъ столъ и два кресла, а въ сторонѣ большой кють, наполненный образами въ богатыхъ ризахъ и вѣнцахъ, осыпанныхъ драгоценными камнями. Передъ ними неугасимо теплилась лампада. При входѣ въ эту комнату, нась заставляли прежде всего помолиться въ землю передъ образами, потомъ подходила каждая изъ нась къ княжнѣ. Между оконъ, подъ зеркаломъ, стояли англійскіе столовые часы и неумолкаемыя стукомъ нарушили глубокую тишину этой комнаты.

Подлѣ спальной, въ небольшой комнатѣ, постоянно находилась пожилая женщина, служившая княжнѣ и наблюдавшая за хозяйствомъ. Тутъ стоялъ шкафъ съ чайной посудой и разливавшаяся чай.

Княжна рѣдко выходила изъ своей спальни въ другія комнаты, которые были просторны и удобно расположены; но отъ

времени и не бывши долго поправлены, имѣли видъ полинялый и темноватый. Вездѣ висѣли люстры, съ хрустальными подвесками, отъ копоти походившими на дымчатые топазы. Когда проходили близко отъ нихъ, онѣ, сверкая, позванивали. Тажелаи, краснаго дерева, мебель, обитая штофомъ, столы съ бронзовыми рѣшеточками, фарфоровая кухня, все напоминало — другія времена и нравы.

Въ одной изъ гостинныхъ висѣли портреты, прекрасно сдѣланы гуастью, въ овальныхъ, вызолоченныхъ рамкахъ, всего семейства Яковлевыхъ, въ ихъ молодости, съ напудренными волосами, въ щегольскихъ костюмахъ. Ни одинъ изъ нихъ не походилъ уже на эти портреты когда я ихъ стала знать, какъ-будто они сняты были съ другихъ людей; только добродушное выраженіе лица Льва Алексѣевича сохранилось тоже, что и на портретѣ, его узнать было можно. Но откуда взялся холодно-язвительный взглядъ у этого вѣжливо-улыбающагося, нѣжнаго молодаго человѣка? Откуда взялась тучность и важность у этой полу-воздушной дѣвочки, съ розой въ распущенныx волосахъ? Я въ дѣствѣ рассматривала эти портреты, какъ картинки; бывши со мной, указывая на портретъ прекраснаго молодаго человѣка, съ открытой физиономіей, говорили: «вотъ это твой дѣдушка». Впослѣдствіи, рассматривая эти портреты въ гостиной княгини, куда они перенесли вмѣстѣ со всѣмъ имуществомъ княжны, послѣ ея кончины, я глубоко задумывалась. Княжна прожила 100 лѣтъ, и кончила жизнь мгновенно безъ болѣзни, кончина ея была похожа на сонъ.

Послѣ 1812 года, княгиня, съ своимъ семействомъ, поселилась во флигель при домѣ княжны. Домъ княгини сгорѣлъ въ бытность въ Москвѣ непріятеля.

Почти каждый вечеръ у княжны собирались родные: княгиня съ дѣтьми, Елисавета Алексѣевна съ двумя сыновьями Дмитриемъ и Николаемъ Павловичами, и очень молоденькой дочерью Натальей Павловной, въ сопровожденіи жившей у ней старушки — компаньонки, Надежды Ивановны, и двухъ служителей, съ напудренными головами, въ башмакахъ и ливрейныхъ фракахъ съ галунами.

Сверхъ дней имянинъ, рожденія и большихъ праздниковъ, всѣ родные встречали у княжны новый годъ; поднималась Иверская Божія Матерь, послѣ молебна, всѣ поздравляли старушку и да-

рили ей разныя бездѣлицы, какъ дарять дѣтямъ. По смерти княжны, домъ заколотили, дворъ заросъ травой, стѣны почернѣли, прислуга, получивъ отпускныя, разошлась, только желтая, лохматая собака лежали на каменномъ крыльцѣ. Княгиня осталась жить во флигеле, куда я съ матерью и тетушкой стали приѣзжать.

Пріѣзжая въ Москву, мать моя бывала и у дядей, особенно часто навѣщала Ивана Алексѣевича не столько для него, сколько для Луизы Ивановны, которую очень любила. Часто она оставляла меня у нихъ на нѣсколько дней. Александръ всегда радовался моему дріѣзу. Онъ росъ одинокъ и былъ избалованъ, по этому не умѣлъ и не любилъ играть съ товарищами, малѣйшее противорѣчіе выводило его изъ себя. Только со мной онъ былъ уступчивъ и игралъ охотно. Игрушекъ у него было множество. Меня больше всѣхъ игрушекъ занимала кухня, въ которой на плитѣ готовился обѣдъ, и всѣ повара приходили въ движение, тронутые пружинкой; но скоро они прекратили свою дѣятельность: чтобы узнать отчего повара пекутъ и жарятъ, Александръ разломалъ заднюю стѣнку кухни, вытащилъ пружину и успокоился, отдохнули и повара.

Спала я всегда въ комнатѣ Луизы Ивановны; тутъ же стояла желѣзная кровать Сапи, обтянутая парусиной; когда Вѣра Артамоновна, надѣвшія на него ночную сорочку, укладывала въ кровать, тогда у насъ начинались продолжительные разговоры, и нельзя уже было ни бѣгать, ни скакать, ни ломать игрушекъ. Въ это время Александръ разсказывалъ мнѣ слышанные имъ ужасы отъ т-ре Прово о масонахъ, при ложѣ которыхъ мужъ занималъ когда-то, какую-то должность. «Разъ, говорилъ онъ, т-ре Прово зашла въ залу, гдѣ собирались масоны, когда никого тамъ не было, и перепугалась до смерти. Она увидала комнату, обтянутую чернымъ сукномъ; по срединѣ стоялъ столъ, на немъ крестъ-на-крестъ два кинжалы, а на нихъ мертвая голова. На стѣнахъ висѣли портреты всѣхъ въ мірѣ масоновъ, и если въ который-нибудь портретъ выстрѣлять, то гдѣ бы ни находился его подлинникъ, онъ мгновенно упадалъ мертвымъ». Я дрожала отъ страха, слушая эти рассказы, мнѣ живо представлялась и черная комната, кинжалы и портреты. «А вотъ еще, говорилъ Александръ, была революція во Франціи; народъ пу-

мѣль, бѣгаль по улицамъ, людамъ рубили головы, кровь текла ручьями; хотѣли повѣсить на фонарѣ ш-г Прово, насилиу спасла его ш-ше Прово».

Александръ любилъ разсказы больше игрушекъ; игрушки, по своей безжизненности и безответственности, скоро надоѣдали ему и онъ ихъ ломалъ отъ скучи. Если нечего было слушать, онъ игралъ съ собакой Бертой, ъздила на ней верхомъ или запрягать въ повозочку. Иногда мы втроемъ бѣгали въ запуски вокругъ комнатъ. Когда меня увозили отъ Ивана Алексѣевича, Александръ тосковалъ, оставаясь опять одинокимъ.

Чтобы утѣшить Москву, разоренную непріятелемъ, императоръ Александръ Павловичъ, въ 1817 году, перѣѣхалъ въ Москву со всѣмъ своимъ дворомъ, министрами, гвардіей, государственнымъ совѣтомъ и проїзжалъ въ ней почти годъ. Къ Ивану Алексѣевичу и сенатору каждый день ъздили генералы, участвовавшіе въ войнѣ 1812 года, ихъ бывшия товарищи и сослуживцы и нерѣдко у нихъ по нѣсколько человѣкъ обѣдало. Изъ числа частыхъ посѣтителей я видѣла у нихъ двухъ братьевъ Бахметьевыхъ, одинъ былъ безъ ноги, ее оторвали ему при Бородинѣ, князя Петра Михайловича Волконскаго, графа Милорадовича, графа Комаровскаго, Болховскаго и графа Орлова.

Милорадовичъ очень любилъ Александра. Часто вечерами, держа его на колѣняхъ, съ жаромъ что-нибудь рассказывать и не замѣчая какъ Александръ, играя на его груди его орденами и перебирая ихъ, иногда отрывалъ нѣкоторые ироняль на полъ. Милорадовичъ, не замѣчая этого, уѣзжалъ. На другой день орденъ или два находили на полу и ему отсыпали.

Когда я стала постарше, то довольно часто бывала въ домѣ Голохвастовыхъ. Сыновья и дочь Елизаветы Алексѣевны очень любили меня и также, какъ и княжны Хованскія, называли дикимъ ребенкомъ за мою врожденную нелюдимость и робость, а изъ Татьяны перекрестили въ Темиры, какъ и называлася я такъ долго, что нѣкоторое время название Темиры считала своимъ настоящимъ именемъ.

Большой домъ Голохвастовыхъ стоялъ во дворѣ, выходившемъ на Тверской бульваръ. Комнаты въ немъ были обширны, убраны прекрасно. Мнѣ особенно нравилась диванная, яхонтового цвѣта, съ гирляндами цвѣтовъ, вместо багетки. Мебель и зан-

въсы въ ней были штофные, лимонного цвѣта. Въ этой комнатѣ Елизавета Алексѣевна (сестра Яковлевыхъ) или сидѣла, или лежала на диванѣ. До 45-ти лѣтъ она сохранила слѣды замѣчательной красоты. Тутъ находилась всегда и молоденькая дочь ея съ прекрасными, добродушными, чорными глазами, совершенный портретъ своего брата, Николая Павловича, младшаго сына Елизаветы Алексѣевны. Легкомысленный, страстный, энергическій, онъ составлялъ совершенную противоположность съ старшимъ братомъ своимъ, Дмитріемъ Павловичемъ, высокимъ, стройнымъ блондиномъ, съ легкимъ золотистымъ отливомъ волосъ, съ правильными чертами лица и выраженіемъ спокойствія и уваженія къ себѣ. Жизнь его была рядомъ успѣховъ и наградъ. Онъ много читалъ, умно разсуждалъ, благоразумно дѣйствовалъ, но чувствовалось, что чего-то недостаетъ, онъ слишкомъ помнилъ всегда себя. Братъ же его, кажется, и не думалъ никогда о себѣ, да и стати и о другихъ мало заботился. Онъ родился хромымъ, чѣмъ мѣшало ему, при высокомъ ростѣ, пріобрѣсти античную нозу и версальскую поступь брата. При огромномъ богатствѣ они вели жизнь самую скромную и уединенную. Мать ихъ почти никуда не выѣзжала, кромѣ родныхъ, и то изрѣдка; къ нимъ їздили немногіе. Сыновья имѣли очень мало товарищей — самый близкій изъ нихъ былъ Н. Свербѣевъ. Въ домѣ у нихъ, въ этихъ богато-убранныхъ комнатахъ, было какъ-то пусто и беззвучно. Николай Павловичъ женился очень рано, противъ воли матери, на бѣдной, незнатной, но прелестной дѣвушкѣ. Мать, исполненная аристократизма, думавшая, что сыновей ея достойны невѣсты самого высокаго рода и богатства, по крайней мѣрѣ, равнаго ихъ богатству, такъ огорчилась этимъ бракомъ, что занемогла и скоро окончила жизнь. Жившая у нихъ старушка-компаньонка — вдова коменданта Орской крѣпости, часто говорила: «съ дѣтства Николая Павловича я видѣла, что въ немъ пути не будетъ. Разъ собаки оторвали хвостъ у тирольской коровы, любимицы его матери, а онъ глядѣть на это, да хохотеть, не жаль资料его добра». И точно, онъ не жалѣлъ своего добра никогда. Когда, по смерти матери, они раздѣлились, Наталья Павловна вышла замужъ за Н. В. Шатилова, и вскорѣ скончалась, оставивши малолѣтнихъ сына и дочь, которыхъ мы съ Луизой Ивановной часто навѣщали и очень любили. Дмитрій Павловичъ уѣхалъ за границу смотрѣть

Лондонъ, а Николай Павловичъ «сталъ показывать себя Москвѣ»: онъ купилъ домъ, великолѣпно его убралъ, роскошно рядинъ жену и дѣтей и сталъ давать обѣды, балы и спектакли. Домъ его съ утра до ночи былъ набитъ любителями хорошихъ обѣдовъ, гвардейцами, танцующей молодежью и даже высшей аристократіей. Вино лилось и музыка играла. Мы иногда бывали у Николая Павловича, онъ и жена его очень любили Лизу Ивановну, она была кума Николаю Павловичу и много способствовала его примиренію съ дядями. Несмотря на то, что у него было уже пять человѣкъ прелестныхъ дѣтей, онъ жилъ какъ въ чаду, какъ бы отыскивая, какъ скорѣе прожить состояніе, и кончилъ тѣмъ, что разорился на танцовщицу, нестойвшую раздавать ленточку у башмака жены его. Имѣніе ихъ описали, жена умерла, домъ распадался,— все это сдѣлалось очень быстро. Мы навѣщали часто осиротѣлыхъ дѣтей и разорившагося пріятеля. Въ крайности Николай Павловичъ заложилъ брилліанты своей матери, доставшіеся по раздѣлу ему. Дмитрій Павловичъ далъ ему на себя вексель, чтобы онъ выкупилъ брилліанты и привезъ къ нему на сохраненіе для его дѣтей. Брилліанты Николай Павловичъ выкупилъ и повезъ къ брату, но, въ подражаніе коту-муру Гофмана, который несъ матери головку селедки и сѣѣть самъ, *chemin faisant*— заѣхалъ къ другому ростовщику, заложилъ ихъ, а деньги промоталъ. Это возбудило изумленіе и негодованіе Дмитрія Павловича и всѣхъ родныхъ. Истоцивши всѣ средства, Николай Павловичъ сталъ продавать вещи, мебель, потомъ вырубилъ садъ, чтобытопить печи, продалъ небольшую подмосковную. Онъ не унывалъ, весело разѣзжалъ по роднымъ, часто бывалъ и у насъ (я была уже замужемъ), звалъ меня по-прежнему дикимъ ребенкомъ и Темирой, смѣясь, разсказывалъ разные анекдоты и новости, нерѣдко имъ же сочиненные. Жизнь свою онъ окончилъ на дачи своего двоюроднаго брата. Среди разговора схватилъ себя за голову, упалъ и умеръ.

Пока Николай Павловичъ угощалъ и веселилъ Москву, Дмитрій Павловичъ правильно осмотрѣлъ Европу, выучился английскому языку и возвратился въ Россію съ английскимъ беретомъ, ньюфаундлендскими собаками, изъ которыхъ далъ по собаки дядямъ. У дѣдушки Ивана Алексѣевича—это былъ избѣстный Макбетъ. Дмитрій Павловичъ привезъ планы фермы и конскихъ заводовъ,

книги, въ томъ числѣ, по порученію Ивана Алексѣевича, цѣлый ящикъ французскихъ и нѣмецкихъ книгъ Александру. Моремъ привезли Дм. Пав. разныя землемѣрческія машины и машины для орошенія полей. Онъ занялся устройствомъ хозяйства въ своемъ подмосковномъ имѣніи Покровскому. Обсѣялъ поля клеверомъ и развелъ породистыхъ лошадей и коровъ. Наконецъ, женился на умной дѣвушкѣ.

Въ послѣдніе годы жизни брата своего, по желанію князя Сергѣя Михайловича Голицына, бывшаго тогда попечителемъ московскаго университета, Д. П. Голохвастовъ сдѣланъ его товарищемъ.

Въ университетское управление, при князѣ С. М. Голицынѣ, онъ ввелъ слишкомъ много формализма. Мѣсто князя Голицына заступилъ графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ. Положеніе университета при немъ совершеано измѣнилось. Онъ отстаивалъ права его, облагораживалъ, защищалъ отъ полицейскихъ притѣсненій, старался поднять его въ глазахъ государя императора, и самъ былъ либераленъ. Время управления графа было одной изъ цвѣтущихъ эпохъ московскаго университета. При графѣ С. Г. Строгановѣ университетъ измѣнился, отъ зданія и аудиторіи, до профессоровъ и объема преподаванія. Послѣднему способствовало то, что изъ-за границы возвратилось много новыхъ профессоровъ, изъ числа которыхъ были люди чрезвычайно талантливые, съ свѣтлымъ направленіемъ. Они имѣли громадное вліяніе на студентовъ и на общество, посѣвшее ихъ популярныя чтенія и по средствамъ студентовъ, вносившихъ свѣжія понятія изъ аудиторіи въ свои семейства. Какъ этимъ профессорамъ, такъ и графу С. Г. Строганову, поддержавшему ихъ, многимъ обязаны и университетъ и русское общество.

Черезъ три мѣсяца послѣ того, какъ вышелъ изъ университета графъ С. Г. Строгановъ, вышелъ въ отставку и Дмитрій Павловичъ, и расположился отдохнуть отъ служебного дѣла среди сельского хозяйства, семьи и книгъ. Сверхъ этого онъ пристрастился къ скачкамъ, на которыхъ отличалась и выигрывала призы его любимая скаковая лошадь Бычокъ; съ Бычка у него было несолько портретовъ, въ разныхъ положеніяхъ. Оставалось только жить и наслаждаться жизнью. Но суждено было иначе. Вскорѣ послѣ отставки, сильный и здоровый Дмитрій Павловичъ,

иे старѣе 50-ти лѣтъ, занемогъ горловой чахоткой и послѣ тяжкихъ мученій окончилъ жизнь въ 1849 году.

Смерть уравняла обоихъ братьевъ. Дѣти Дмитрія Павловича достойно пользуются состояніемъ, оставленнымъ имъ ихъ отцомъ, о которомъ я вспоминаю съ чувствомъ дружескимъ, съ каковымъ и онъ былъ расположенъ ко мнѣ во всю его жизнь и которое не разъ доказывалъ мнѣ не словами, но дѣломъ. Подъ холоднымъ формализмомъ у него было сердце не безъ теплоты.

Т. П. Пассекъ.

